

Дорога к Вождю

Автор:

Алексей Злотников

Дорога к Вождю

Алексей Михайлович Махров

Роман Валерьевич Злотников

Дорога к Вождю #2

В научную фантастику Иосиф Виссарионович не верил. Все эти мечтатели-идеалисты Жюль Верны, Уэллсы, Беляевы только отвлекали трудящихся от насущных задач социалистического строительства. И все-таки самая что ни на есть фантастика, какой являются путешествия во времени, оказалась реальностью. Да еще полезной для СССР! Лишь благодаря путешественнику во времени удалось сорвать немецко-фашистский blitzkrieg 1941 года. Иосиф Виссарионович с глубоким уважением относился к Виталию Дубинину – человеку из будущего, который ценой собственного благополучия спасал Родину, – и готов был встретиться с ним лично, но дорога к Вождю оказалась нелегкой...

Алексей Махров, Роман Злотников

Дорога к Вождю

© Злотников Р., Махров А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Глава 1

27 июня 2015 года, Москва

– Так что это за Российская Федерация? – спросил Батоныч, удивленно разглядывая мой паспорт.

В этот раз я оказался готов к странностям – хватило опыта двух предыдущих возвращений из прошлого. Когда «вдруг» пропадали две станции метро на моей ветке и менялся государственный герб. Словом, изменений хватало и кроме общей истории. Но чтобы настолько глобально, вплоть до исчезновения целого государства?

– А у ВАС это как называется? – вопросом на вопрос ответил я.

– В смысле: у вас? – сразу поймал меня на оговорке Батоныч. – У НАС государство называется «Конфедерация народов России». Ты словно с Луны свалился. Хотя... Форма эта советская, паспорт несуществующей страны... Реально под дурачка косишь? Так не поможет тебе симуляция, дурилка. Все равно я с тебя должок в полной мере стребую.

– Я прибыл к вам из альтернативной реальности, – пожал плечами я. – Вернее, из того варианта реальности, который так и не осуществился благодаря моим действиям. Там существовала Российская Федерация, и Советский Союз распался в 1991 году.

– Когда? – вытаращил глаза Батоныч, прекратив постукивать по столешнице корешком моего документа.

– В девяносто первом году, – повторил я. – Союз развалился по границам национальных республик. И хорошо еще, что Российская Федерация не распалась на независимые государства, вроде Башкирии или Татарии. А ведь и к этому дело шло.

– Складно врешь! – прокомментировал Батоныч. – И как ты только такое придумал? Ведь национальные республики упразднены еще в пятидесятых годах прошлого века!

– Послушал, значит, меня товарищ Сталин! – обрадовался я и тут же вспомнил, в какую клоаку сейчас вернулся. – Тогда почему у вас здесь такая грязь и... бандиты? Как у нас в девяностых? Неужели и тут Советский Союз распался?

– Распался... – мне показалось, что Батоныч скрежетнул зубами. – Да, распался, мать твою! Из-за этого меня, боевого офицера, из армии выкинули. Да и саму армию под нож пустили!

– Блин, ситуация практически как у нас... – отметил я. – А когда распад произошел?

– Да уж лет пять... – Батоныч озадаченно почесал макушку.

– Можно взглянуть? – я показал на монитор.

– На что взглянуть? – офигел Батоныч.

– Дай десять минут в Интернете покопаться, посмотреть, какие еще изменения мой крайний поход в прошлое принес. Или все-таки последний?.. – Я на пару секунд задумался: «А закончилась ли моя эпопея?» – После чего делай со мной, что хочешь – хоть в подвал тащи в пыточную камеру, хоть сразу на месте пристрели.

– Ну, за последним не заржавеет! – усмехнулся Батоныч. – Но все-таки уточни еще разок: где ты хочешь покопаться и почему при этом киваешь на мою мини-ЭВМ?

– В моем мире существует Интернет – глобальная мировая информационная Сеть, доступ к которой можно осуществить с любого компьютера.

– Да... – радостно скалясь, покачал головой Батоныч. – Вот ведь чувствуется в тебе нечто... Ты даже лапшу на уши красиво вешаешь. Надо же: обозвать нашу Библиотеку таким мудреным словом, как «Интернет», а электронно-

вычислительную машину – компьютером. За то, что сумел меня удивить, дам тебе десять минут. А потом в подвал спустимся... Там, может, и не пыточная камера, но смывать кровь с бетонного пола всяко удобней, чем с паркета.

И Батоныч несколько секунд пристально смотрел на меня, ожидая какой-то реакции. Проявлений страха или неуверенности, быть может? Но мне сейчас было на все наплевать. Хотелось одного – узнать, что здесь произошло. Почему опять развалился Советский Союз, где недоработал я, а где – товарищ Сталин...

– Колян! – громко позвал Батоныч, так и не дождавшись от меня проявления эмоций.

В дверь кабинета немедленно просунулась бритая башка давешнего качка.

– Отведи клиента в каморку к Очкарику и дай доступ к Библиотеке, – распорядился Батоныч. – На всё отвожу десять минут, потом тащи его сразу в подвал. Хотя нет... Он меня сумел удивить – пусть будет полчаса.

Колян зашел в кабинет и спокойно опустил мне на плечо могучую руку.

– Пошли, дурилка! – с употреблением этого специфического словечка они явно шефу подражают.

Я покорно повернулся и пошел на выход, как вдруг резко, словно выстрел, прозвучала команда:

– Стоять!

Повернувшись, увидел: Батоныч встал из-за стола и подходит ко мне.

С дистанции в два шага глава местной ОПГ четким отработанным ударом врезал мне по печени, а когда я согнулся от боли, добавил коленом в нос.

– Это тебе, дурилка, небольшой аванс! – спокойно, даже не запыхавшись, объяснил Владимир Петрович Бат. – Чтобы ты не строил иллюзий насчет того, куда попал. Я тебе не лох ушастый, меня красивыми сказочками не купить!

Внимательно посмотрев на мою перекошенную морду, Батонич удовлетворенно кивнул и взмахом руки отпустил нас. Колян, ухватив меня за воротник, вытащил из кабинета и поволок куда-то вдаль по полутемному коридору.

Впрочем, тащил он меня недалеко – всего через сорок шагов коридор закончился тупиком, в котором обнаружилась дверь, обитая листовым кровельным железом. Этакая «сейфовая» дверь для бедных. Колян бесцеремонно забарабанил по ней кулаком, вызвав в узком пространстве настоящий звуковой шторм – от гулкого буханья «тяжелым тупым предметом» по металлу у меня даже заболели барабанные перепонки. И продолжалось это, как мне показалось, бесконечно долго – почти полминуты.

Наконец Коляна услышали. Звякнули открываемые засовы, и на пороге возник настоящий верзила, на полторы головы выше меня, перекрывающий своими плечищами весь проем.

– Очкарик, принимай клиента! – радостно завопил Колян, выталкивая меня вперед. – Шеф распорядился дать ему полчаса на ковыряние в Библиотеке. А потом сразу в подвал!

Только сейчас я разглядел на широком лице с покатым лбом питекантропа крохотные очки с тонкими дужками. Ничего себе «очкарик»!

Верзила молча кивнул и посторонился, пропуская меня в дверь. Колян еще что-то говорил, но я его уже не слышал, ошарашенно осматривая обстановку помещения. Я как-то успел привыкнуть, что технический уровень вокруг меня неожиданно откатился на пару десятилетий назад. И не только технический уровень. Но в этом отсеке... здесь царил настоящий хай-тек. Не уступающий самым передовым достижениям «моего» мира: почти десяток огромных плоских мониторов, застекленные шкафы серверов с мощным воздушным охлаждением, оптоволоконные кабели и прочая перемигивающаяся сотнями разноцветных светодиодов и гудящая кулерами электронная машинерия.

– Впечатляет? – усмехнулся Очкарик. Голос у него оказался под стать фигуре – мощный утробный бас.

– Видал я лилипутов и покрупнее! – пожимаю плечами. – Но не здесь. Тут не ожидал уже увидеть такую технику. А чего тогда в кабинете твоего шефа

такое допотопное чудище стоит?

– Так ему, чтобы «косынку» раскладывать, ничего сверхсовременного не нужно! – хохотнул Очкарик.

– А как же понты? – удивился я. – Вот придут к нему на... встречу деловые партнеры, а у него на столе этакий гроб стоит.

Здоровяк на пару секунд задумался, а потом пренебрежительно махнул рукой:

– Ерунда! Если бы такая мелочь грозила репутации Батоныча, то он бы давно у себя видеостанцию на пять мониторов развернул. Да и не ходят к нему... деловые партнеры. Они как-то... в других местах привыкли... деловые вопросы... перетирать. Ладно, тебя чего сюда послали? В Библиотеке ковыряться? Так вот тебе свободное место, присаживайся... С «десяткой» знаком, справишься?

Я сел на вращающееся кресло у большого тридцатидюймового экрана и оглядел рабочее место. Так... монитор марки «Рекорд»... Чего? Я еще раз тупо перечитал надпись на логотипе компании-изготовителя. Да, именно «Рекорд»... неужели наши делают такие... вполне современные компьютерные мониторы? Ладно, потом разберусь... если доживу. Смотрим дальше... Клавиатура привычного вида... кроме эмблемы фирмы, опять что-то российское. Мышь оптическая беспроводная... тоже выпущенная в России. Заглядываю под стол, смотрю на системный блок – на нем красуется надпись «ЭВМ «Рубин» 345-15». Н-да... Лихо они тут... неужели ничего импортного нет? А как же «иномарки» на улице? Или компы делать научились, как и ракеты с самолетами, а с автомобилями и здесь ничего путного не вышло? Как там говорилось в анекдоте: «Проклятое место...»[1 - Купила компания «Мерседес» завод ВАЗ. Перенастроили производство, запускают конвейер... Бац! На выходе «Жигули»! Демонтировали оборудование, привезли новое из Германии, установили, наладили, запускают... Снова с конвейера сходят «Жигули»! Уволили весь персонал завода, привезли работников из Германии, переналадили оборудование, проверили, запускают производство. Блин, на выходе вновь «Жигули»! Стоят у завода бывшие главный инженер и директор завода, смотрят на результат многомесячных усилий менеджеров «Мерседеса». Инженер говорит директору:– А я тебя предупреждал – место проклятое! А то всё «руки из жопы, руки из жопы»...] Отвлекся что-то... Хорошо, пусть девайсы сугубо суровой русской сборки, но устройство у них вполне знакомое.

– Справлюсь! – уверенно ответил я.

Очкарик хлопнул меня по плечу, словно дубиной огрел и ушел куда-то в глубину помещения. А я, немного повозившись с непривычным интерфейсом, вошел в Сеть. Или, вернее, в Библиотеку, как у них здесь называлось виртуальное пространство. Через пару минут я убедился, что данная Сеть – исключительно русскоязычная. Никакого выхода на англоязычный сегмент, если он вообще существует, просто не было. Или я просто не знал, как это делается. Ну да мне сейчас и русскоязычной части вполне хватит. Да и сама Библиотека сильно отличалась от нашего Рунета – полностью отсутствовали развлекательные сайты и рекламные порталы. Только информационные ресурсы, новостные и энциклопедические. И даже на их страничках я не увидел ни одного рекламного баннера. Красота! Операционная система «Десятка» оказалась вовсе не десятой версией «Винды», а самостоятельной российской разработкой, причем первая ОС «Единичка», судя по логам, была создана в лохматые восьмидесятые годы, и с тех пор на отечественные ЭВМ ставился только отечественный «софт».

Разобравшись с принципами Сети, я начал «серфить» в поисках нужной инфы. И почти сразу наткнулся на отлично сделанный сайт, целиком посвященный Второй Мировой войне. Причем сайт явно государственный, с многочисленными архивными документами. К тому же, судя по датам выкладки документов, он был создан не к юбилею Победы, а уже несколько лет назад. Видимо, в этой реальности к истории своей страны относились несколько бережнее.

Первым делом я посмотрел дату окончания войны. Великая Отечественная закончилась 11 сентября 1944 года. Ага, с момента прошлого возвращения сдвиг еще на пару месяцев. Ход боевых действий в общих чертах соответствовал «предыдущей версии», сложившейся после моего второго возвращения из прошлого, но финал оказался несколько иным.

По итогам Германия, вся скопом, стала соцстраной, а кроме нее еще и Австрия с Финляндией. Никаких разделений на «западные» и «восточные» половинки стран. Вероятно, союзники так и не успели подсуетиться. Общие потери воюющих сторон тоже другие: СССР в этот раз потерял 17 миллионов, в полтора раза меньше, чем в «реальной истории», а Германия 14 миллионов, наоборот, почти на двадцать процентов больше. В войну с Японией мы вступили не через четыре месяца после окончания войны в Европе, а через шесть – в феврале 1945 года. Перед этим заставив США исполнить все обязательства по поставкам

станков и оборудования, которые они с весны 1944-го стали задерживать и растягивать. В этот раз СССР захватил не только Маньчжурию, которую отделили от Китая и сделали соцстраной еще в 1946-м, но и всю Корею, тоже ставшую социалистической.

Дата окончания Второй Мировой войны меня удивила – несмотря на то что Советский Союз начал боевые действия против японцев почти в начале года, капитуляцию самураи подписали только в декабре. Заинтересовавшись этой нестыковкой, я выяснил, что здесь сражения на Тихом океане шли совсем по-другому.

Уже изначально японцы «переписали старый сценарий», атаковав Перл-Харбор не двумя, а тремя волнами. И хотя они при этом потеряли почти семьдесят самолетов, почти в два с половиной раза больше, чем в «реальной истории», но зато и уничтожили, помимо кораблей, еще и все находящиеся в Перл-Харборе запасы топлива и очень сильно повредили ремонтные мощности. Из-за таких потерь в палубной авиации самураям пришлось серьезно пересмотреть и усилить систему подготовки пилотов, вследствие чего они на протяжении всей войны куда лучше восполняли потери. Кроме того, в этом мире тоже случился рейд Дулиттла на Токио, но с другими результатами – японцы подловили и потопили «Хорнет»[2 - Совершенно бессмысленный с военной точки зрения рейд авианосца «Хорнет». Из прошедших достаточно долгую подготовку экипажей средних бомбардировщиков «В-25» «Митчелл» (их учили взлетать с авианосца) погибло или попало в плен почти два десятка. Из 16 машин, 18 апреля 1942 года взлетевших с палубы «Хорнета», уцелела всего одна. Потери японцев были минимальными, и только среди гражданских.]. Ну и, как потом выяснилось, они откуда-то узнали, что американцы читают их коды и устроили им ловушку у Мидуэя. Который смогли-таки захватить. Хотя и ненадолго. Так что война на Тихом океане шла для США куда более тяжело, к началу 1945 года амеры едва успели отбить Филиппины. О массовых воздушных налетах на Японию американцам приходилось только мечтать, но единичные, точечные бомбардировки все-таки осуществлялись, хотя и без особого успеха – «зонтик» над островами японцы построили очень крепкий.

Однако атомная бомбардировка все же произошла. Гораздо позже даты, которую я помнил – в декабре 1945 года, в момент, когда советские войска вышли к побережью Кореи, а советский флот высадил несколько десантов на Хоккайдо. Ядерной атаке подвергся город Киото, старинная столица страны

Ямато[3 - В реальной истории в первоначальный список целей для ядерной бомбардировки входили три города: Киото, Хиросима и Ниигата, но военный министр США Генри Стимсон, много десятилетий назад проведший свой медовый месяц в Киото, предложил заменить Киото на Нагасаки. И военный руководитель атомной программы Лесли Гровс согласился...]. Микадо к тому моменту уже отдал приказ о капитуляции. Поэтому японцы так и не простили американцам такого подленького удара.

Бомба у америкосов была всего одна. На другую просто не успели наработать плутония. В Советском Союзе свою бомбу испытали уже в 1946 году. Что, вкупе с тем, что в руки СССР попал и ракетный полигон Пенемюнде, и заводы по производству ракет, и сам фон Браун, установило ядерный паритет уже к 1948 году.

Дальше, дальше... Смерть Сталина... Ого! 1957 год! Вот что значит: некому яду было поднести. Есть и другие отличия послевоенной истории страны. Серьезное переформатирование в национальной политике: все прежние республики, образованные по национальному признаку, ликвидированы. На XIX съезде ВКП(б), состоявшемся здесь в 1950 году товарищ Сталин заявил: «Великая Отечественная война показала, что в СССР возникла новая историческая общность – советский народ»[4 - На самом деле о советском народе, как новой исторической общности, сказал Хрущев в 1961 году. Но никаких внятных действий, которые могли бы вытекать из этого заявления, сделано не было. СССР так и остался разделенным на национальные «квартиры»].

Так почему все-таки соцсистема развалилась? Неужели только из-за способа хозяйствования? Этой, как ее... плановой экономики?

Одно только и радует: Союз распался не по границам национальных республик, и вышло из «Конфедерации народов России» не так уж много территорий. Только большая часть Литвы и три самых западных области Украины. Первая тут же попала под полную зависимость Польши, а новообразованная республика Галиция имеет с этой Польшей весьма сложные отношения, поскольку претендует на часть территории бывшей Речи Посполитой, а та, в свою очередь, на всю территорию Галиции.

В Латвии и Эстонии на данный период времени неспокойно, и снова появились «лесные братья», но им не дают особенно разгуляться. Хотя и под визги «международной общественности». Но та пока больше занята

«перевариванием» стран бывшего соцсодружества и на территорию СССР особенно не лезет. Других военных конфликтов на почве межнациональной ненависти, вроде нашего Карабахского, Приднестровского или Грузино-абхазского, здесь не произошло.

– Ну что, дурилка, узнал что-то интересное? – прогрохотало над ухом, а в плечо словно стальные щипцы впились – Владимир Петрович, гад такой, подкрался неожиданно.

Увлечшись сбором информации, я не следил за временем. Поэтому появление в компьютерном отсеке Батоныча стало неприятной неожиданностью – ведь сколько еще полезного надо было узнать... Перестав сжимать мое плечо, босс местной мафии повернулся к стоящему рядом Очкарику.

– Ты смотрел за ним, Боря?

– Конечно, Владимир Петрович, смотрел и фиксировал все его действия, как вы мне по телефону и велели! – ответил Очкарик-Борис.

Ого! Так хитромудрый Батоныч не просто так меня сюда отправил, он хотел мою реакцию посмотреть.

– Так что скажешь о клиенте, Борис?

– Ну, что сказать... – медленно проговорил Очкарик, смешно наморщив покатый лоб. – Он или в натуре шизофреник, или действительно провалился к нам из другого мира. На стоящую в моем закутке технику смотрел, словно баран на новые ворота. Особенно его заинтересовали логотипы заводо-изготовителей. Складывается полное впечатление – мониторы, мышки и прочее клиент увидел первый раз в жизни. Но довольно быстро освоил управление, вероятно, в «его» мире есть нечто принципиально похожее.

– А он не мог... сыграть удивление? – рассеянно глядя сквозь меня, как будто я прозрачный, спросил Владимир Петрович.

– Не думаю... – качнул головой Очкарик. – Тут надо быть актером уровня народного артиста СССР. Да и не видел он, что я за ним наблюдаю, – его процесс

чрезвычайно увлек.

– Что он искал в Библиотеке? – по-прежнему игнорируя мое присутствие, спросил Батоныч.

– Первым делом посмотрел данные об окончании Великой Отечественной войны. Потом бегло просмотрел всю историю войны. Затем послевоенные годы, – ответил Очкарик. – Несколько раз ОЧЕНЬ удивлялся...

– Ага, понял... Спасибо, Боря, отлично сработал, свободен. – Батоныч дружески хлопнул Очкарика по плечу. Тот широко улыбнулся, явно обрадованный похвалой босса, и быстрым шагом ушел куда-то в дальний угол своей огромной «каморки».

А Володя впервые посмотрел прямо на меня. Тяжелый у него взгляд...

– И что же мне с тобой делать, дурилка? Ведешь себя донельзя странно – информация из Библиотеки для тебя гораздо важнее собственного близкого будущего. Которое я могу сделать весьма... неприятным для твоего организма, мягко говоря. Но ты почему-то совсем подвала не боишься...

– Нет, ну почему же... Боюсь! – усмехнулся я. – Это ж надо совсем дураком быть, чтобы пыток и боли не бояться. Просто я неплохо выполнил важную работу. Благодаря которой моя страна выиграла войну с гораздо более весомым результатом и меньшими потерями. А затем продержалась до распада «лишние» тридцать лет. Неплохой итог походов дилетанта.

– Ладно, Виталий... считай, что сумел завладеть моим вниманием! – рассмеялся Батоныч, и я отметил, что он впервые с момента встречи назвал меня не «дурилкой», а по имени. – Пойдем посидим, и ты мне расскажешь о своих приключениях.

Мы вышли из «закутка» и пошли по коридору. Никого из мордovorотов видно не было. К моему удивлению, Батоныч привел меня не в свой совково-пафосный кабинет, а в соседнюю комнату, обставленную, на мой взгляд, куда как «современней» – более соответствующей по стилю мебелью десятых годов двадцать первого века, а не девяностых века двадцатого. Уютные даже на вид кожаные кресла, приглушенный свет, музыка, льющаяся из устройства,

напоминающего «саунд-бокс» с вставленным в верхнюю панель айподом.

На большом приземистом столике была накрыта довольно богатая «поляна»: три бутылки спиртного – коньяк, виски и ром; два графинчика с соком, судя по цвету – томатным и апельсиновым; мясная нарезка – буженина, корейка и копченая колбаса; тарелка с несколькими видами сыра; черная и красная икра в хрустальных вазочках; в серебряном ведерке со льдом охлаждалось не шампанское, а водка, похожая по этикетке на «Столичную», но с другим логотипом. Между блюдами стояли разнокалиберные рюмки и фужеры.

– Неплохо живете! – похвалил я, едва перешагнув порог и насладившись видом натюрморта.

Похоже, что подвал с бетонным полом мне в ближайшее время не грозит. Все-таки я сумел в достаточной мере заинтересовать Батоныча.

– Присаживайся, Виталий! – приглашающе махнул рукой хозяин.

Я плюхнулся в глубокое кресло, с наслаждением вытянув натруженные ноги в пыльных сапогах. Володя сел напротив и сразу разлил по рюмкам коньяк.

– Твое здоровье! Оно тебе может очень сильно понадобиться, если... если ты все-таки передо мной дурочку валяешь! – Батоныч произнес двусмысленный тост и, не чокаясь, махнул коньяк залпом.

Я тоже не стал растирать напиток языком по нёбу, как предписывает этикет, а махом опрокинул в себя рюмку. По телу разлилось приятное тепло, коньяк оказался отменным. Подцепив вилкой пару ломтей буженины, кладу их на кусок свежего хлеба и медленно, с наслаждением жую. Крайний раз я «принимал пищу» сутки назад. А уж нормально ел до своего очередного провала в прошлое.

Батоныч, терпеливо дождавшись, пока я дожую бутерброд, скомандовал:

– Рассказывай! Подробно рассказывай – кто ты такой на самом деле и что успел натворить!

– Зовут меня Виталий Дмитриевич Дубинин. Бывший офицер, комиссован после ранения...

– После ранения? – переспросил Володя. – Что, у вас война была?

– Да почти война... даже две. Первая и Вторая чеченские. Усмиряли гордых нохчей. Да у нас там после развала Союза почти каждый год вооруженный конфликт, – вздохнул я. – Только последние лет десять более-менее спокойно. И армию почти развалили...

– И как именно развалили? – заинтересованно спросил Володя.

– Да так – напроочь! Ты прикинь, за два года – с девяносто четвертого по девяносто шестой – всей армией одну Чечню задавить не смогли. В Хасавюрте Россия мир с Чечней подписала, считай, как с отдельным государством. Ты понимаешь? Армия России всего лишь с одной своей бывшей автономной республикой справиться не смогла!

Бат несколько мгновений с глупой, неверящей улыбкой пялился на меня, а потом понял-таки, что я не шучу и, резко помрачнев, глухо выдохнул:

– И кто ж это у вас так?..

– Дерьмократы, мать их... которые к власти пришли. Мол, мы ведь с главным стратегическим противником теперь стратегические партнеры, так зачем нам армия?

– Ни хрена себе![5 - На самом деле Владимир Петрович Бат высказался куда более крепко, но редактор таких слов не пропустит... (Примечание авторов.)] – в сердцах выразился Владимир Петрович. А потом быстро разлил еще по рюмке и, не дожидаясь тоста, махнул не чокаясь. Будто помянул...

– Ладно, потом подробно расскажешь. Давай о себе!

– После комиссования я пару лет помыкался, работу нормальную найти не мог – тогда таких вояк безработных много было. Жена от меня ушла... А потом ты меня подобрал...

– Я?! – снова удивился Батоныч.

– Ты, дружище, ты! – усмехнулся я. – Ты тогда по возрасту на пенсию вышел и сумел на хорошее место устроиться. Огляделся и принялся «гвардию» вокруг себя собирать – бывших однополчан и старых знакомых.

– А мы с тобой, стало быть, знакомы были? – уточнил Батоныч.

– Как раз во время Чеченской войны и познакомились – наши части рядом стояли. Твой танковый полк и мой мотострелковый батальон.

– Ага... – призадумался Володя, машинально разливая по рюмкам коньяк. – Ну, давай за тех, кого нет с нами!

На этот раз мы выпили оба. Тоже, как и положено, не чокаясь.

– У вас, я так понимаю, ничего похожего на наши военные конфликты не было? В смысле – на своей территории не воевали?

– Да как-то... не припомню ничего такого! – мотнул головой Батоныч. – В командировки – ездили. Во всякие Эфиопии и Анголы. Я сам три раза мотался, дружбу народов крепил. Два ордена имею: Красной Звезды и Красного Знамени.

– Хорошо воевал, молодец! – искренне похвалил я. – И в Афгане был?

– Где?

– В Афганистане.

– Нет, там точно не был. Да там вроде тихо было...

– Надо же – тихо! – в свою очередь удивился я. – А у нас там почти десять лет серьезная война шла. Еще при советской власти, до развала Союза. Столько там бойцов положили, техники сожгли... ладно, снова мы отвлеклись. Продолжаю: работал я спокойно в твоей конторе, и вот дней десять назад еду спокойно по Рижской эстакаде и тут мне на мобилу звонит... Сталин!

– Кто?! – Батоныч аж поперхнулся.

– Да, я сам первоначально в шоке был! Сразу какие-то чудеса начались – звонок не прервался, даже когда я телефон отключил. В общем, решил, что если это не розыгрыш, то я никогда не прощу себе, если не предупреджу Сталина о дате начала войны. Разговор длился часа полтора или два, пока на моей мобиле аккумулятор не сел. И предупредил, и кучу всякой разной инфы на него вывалил.

– Не розыгрыш оказался?

– Как потом подтвердилось – точно нет! Мне после разговора на месте не сиделось, и в канун даты начала войны я рванул в Брест. Сам не знаю зачем. Вот сейчас только мысль пришла: меня туда словно на канате тащило. И вот двадцать второе июня, на рассвете выезжаю из придорожной гостиницы... А над головой немецкие бомберы ровными рядами на восток идут. Весь горизонт закрывают... Тут на них наши истребители налетели – не зря я все-таки вождя предупредил. Вроде как первый удар отбили. Но не успел я снова в машину сесть, как какой-то загулявший немецкий ас прямо на меня облегчился. Видимо, от груза избавлялся, чтобы побыстрее от наших убежать. В общем, машина посечена, я целый. Принимаю решение идти в Кобрин. Дошел до шоссе, встретил полторку с бойцами. Но едва поздороваться успел, как очередная шальная бомба рядом рванула. Очухался уже в нашем времени...

– Заново родился, выходит... – Батоныч снова разлил коньяк.

– Ага, – кивнул я, медленно выцедив рюмку.

– И я так понимаю, что это не конец твоих приключений?

– Угадал. Приехал я на рейсовом автобусе в Брест, купил на вокзале билет до Москвы – автомобиль-то мой тю-тю, сижу в зале ожидания, слышу: планшет пищит, вызов на него пришел.

– Планшет – это что? – уточнил Володя.

– Электронный девайс. Мини-компьютер, ну, по-вашему ЭВМ, размером с книжку. Показать не могу – утратил военно-морским способом. Пролюбил, короче...

- Понял, у нас такой блокнотом называется. Ври дальше!

- Ладно, слушай: снова звонок от Сталина. Он меня поблагодарил за предупреждение, сказал, что они успели подготовиться и успешно отбивают первый удар. Я сказал, что сам видел отражение воздушного налета – неведомым образом к ним переместился. Договорились с ним о том, что если я еще раз в прошлое провалюсь, приду в любое отделение госбезопасности и назову пароль. Информации военной я ему еще подкинул, на том и попрощались. А я решил до Брестской крепости прогуляться. Не знаю, как у вас, а у нас она стала символом беспримерного мужества и самопожертвования. Под девизом: «Умираю, но не сдаюсь!» Ее несколько дней обороняли в полном окружении, а после захвата еще месяц наши бойцы сопротивление оказывали, прячась по подвалам.

- Ничего похожего в нашей истории не помню! – подумав десять секунд, сказал Володя. – Хотя историю Великой Отечественной войны нам очень хорошо в академии преподавали.

- О том, что история изменилась, я в то же утро узнал – у вас крепость держалась ровно сутки. Потом ее деблокировали и вывели остатки гарнизона – никакого тактического, а уж тем более стратегического значения крепость не имела.

- Ну да! – согласился Батоньч. – После взрыва мостов немцы навели понтонные переправы вне зоны действия крепостной артиллерии, и смысла удерживать этот пункт уже не было.

- Вот там мне впервые повоевать пришлось... – Я замолчал, припоминая эти события. – Впервые на Великой Отечественной... в первый день войны...

- Снова провал?

- Да. Там церковь есть. Сейчас она действующая, а тогда красноармейским клубом была. Вот в нее-то я и попал за две минуты до проникновения туда немецкой штурмовой группы. В крепости ведь сплошного кольца стен не было, вот немцы где-то с лодок и высадились. А размещение в клубе пулеметов позволяло контролировать весь двор цитадели. Что в моем варианте истории и произошло. Но в этот раз я фрицам эту задумку сорвал: захватил пулемет

и гонял их по углам, пока наши не пришли здание отбивать.

- Что, прямо вот так и захватил пулемет? И немцы тебе его отдали?

- Я умею уговаривать... - усмехнулся я.

- Голыми руками? Или у тебя оружие было? - прищурился Батонич.

- Ножик складной! - хитро усмехнулся я. - Вот этот!

И я продемонстрировал свой любимый ножичек, жестом фокусника вытащив его из кармана шаровар.

- Вот ведь два балбеса! - рассмеялся Батонич. - Колян и Димон тебя даже обыскать забыли!

- И вот этим самым «перышком» я прирезал пулеметчика. Дальше - дело техники. В общем, когда меня перебросило обратно, живых немцев в крепости не наблюдалось - закончились.

- А как тебя перебросило?

- Да как и в первый раз - рядом произошел взрыв.

- Второй раз, значит, заново родился? Теперь я понимаю, почему ты подвала не испугался... - хмыкнул Батонич. - Хрен ли тебе, после пары смертей, какие-то пытки?

- А вы чего, реально кого-то в подвале пытаете? - не удержался я.

- Ну... как сказать... - замялся Батонич. - Я тебе правду скажу, только ты - молчок!

- Замётано!

– Подвал есть, это верно. И мы даже кое-кого туда водим... Но максимум, что получают такие «гости» – несколько ударов в печень. Не пытаем мы никого, хотя необходимый антураж держим – малый полевой хирургический набор. Там в комплект такая пила страшная входит, для ампутаций конечностей... Бр-р-р-р-р... Клиенты при одном виде этих инструментов писаются от страха. Для полноты картины к «гостям» выходит Колян, облаченный в заляпанный кровью медицинский халат. Ты ведь его морду помнишь?

– Ага... – с трудом сдерживая смех, кивнул я. – Об заклад могу побиться, что по жизни Колян – весельчак и бабник, и наверняка добряк, мухи зря не обидит.

– Ну, насчет мух ты загнул... – рассмеялся Батонич. – А хотя... ты верно сказал: ЗРЯ не обидит. Он действительно жизнерадостный увалень, в моем полку старшиной роты служил.

Я не выдержал и заржал в голос. Володя, широко улыбаясь, разлил очередную порцию.

– Так и живем... Ладно, мы отвлеклись. Что после второго рождения было?

– Что было... Отряхнулся от пыли и пошел... Форму вот эту у реконструкторов выкупил, чтобы в следующий раз...

– Ты уже и на будущее загадывал? Про третий раз думал?

– А чего тут думать? Один раз – случайность, два раза – тенденция...

– Третий раз – закономерность?

– Так и вышло. Вернулся я из Бреста в Москву. Уже по пути понял, что история весьма круто переменялась. Со мной в одном купе ехал историк-любитель, всё мне по полочкам разложил. Война на полгода раньше закончилась, потери почти на четверть снизились...

– А в твоём... – Володя запнулся, – мире – когда закончилась война и какие были потери?

– Девятого мая тысяча девятьсот сорок пятого года. Потери – почти двадцать восемь миллионов. И то многие исследователи говорят, что реальные потери могут быть больше.

– Сколько?! – оторопел Батонич. – Это же...

– Да, на одиннадцать миллионов больше, чем у вас.

– Как же так? Как же можно было... так? – Володя оказался шокирован.

– Пограничное сражение у нас совсем по-другому проходило. Да и потом... Вяземский котел, окружение Юго-Западного фронта, Харьковская катастрофа сорок второго года... За первые два года войны потери «у нас» и «у вас» отличаются почти в три раза. Да и дальше, до самого конца войны, потери Красной Армии «у вас» гораздо терпимее. Но в основном потерь меньше среди гражданского населения.

Батонич, все еще под впечатлением от услышанного, молча расплескал коньяк по рюмкам и проглотил напиток как лекарство. Я последовал его примеру: страшные цифры до сих пор кололи сердце. Взгляд Владимира Петровича сделался осмысленным только минуты через три. Видимо, бывший офицер пытался в уме прокрутить возможный сценарий войны, при котором Советский Союз потерял так много людей.

– Продолжай, пожалуйста... – тихо попросил Батонич. – Что с тобой дальше случилось?

– До дома доехал нормально, но уже в Москве странности начались – паспорт у меня оказался другого образца. И пары остановок метро построить не успели... Но это всё мелочи в сравнении с вашим миром. После второго возвращения ты, Володя, всё еще оставался моим другом и сослуживцем...

– Это дело поправимое! – слегка улыбнулся Батонич, начиная потихоньку отходить от шока. – Вот сейчас нарежемся... культурно, по-гусарски... и станем... для начала приятелями. А там видно будет! А вообще, конечно, интересно выходит: ты меня знаешь как облупленного, а я тебя первый раз вижу.

– Это тоже поправимо! – усмехнулся я. – Вот сейчас я вспомнил, что ты мне сказал после третьего звонка Сталина...

– Так все-таки был и третий звонок?

– Да, и поступил он прямо на мой рабочий телефон в конторе. Половина сотрудников отдела сбежали послушать, когда я начал вождя информацией грузить. А после завершения разговора ты мне говоришь: будь у меня возможность со Сталиным связаться, я бы такого насоветовал...

– Да ты прямо мои мысли сейчас прочитал! – покрутил головой Батонич. – Действительно: вот сижу сейчас и думаю: будь у меня прямая линия со Сталиным... Прости, уточню. Правильно ли я понял, что вызовы от Сталина не привязаны к какому-то одному устройству связи? Первый раз он позвонил тебе на мобильный, второй раз на... этот... как его... планшет, третий раз...

– На обычный городской телефон! Я так думаю, что аппарат в данном случае вообще никакой роли не играет. Даже если у меня не окажется никаких технических средств связи, то и тогда «темная сила» что-нибудь придумает. Шишки начнут на голову сыпаться и укладываться на землю в виде букв, или ветер в деревьях засвистит, имитируя сигналы «морзянки»...

И тут запиликал лежавший возле «саунд-бокса» телефон. Я непроизвольно вздрогнул. Володя взял аппарат, посмотрел на экран и удивленно сказал:

– Вызывающий абонент не определен. Странно... На этот мобильник мне только родные звонят, больше никто этого номера не знает.

«Вот оно! Снова начинается!» – подумал я.

Батонич как-то излишне осторожно нажал сенсор ответа и, поднеся аппарат к уху, произнес:

– Слушаю! Кто говорит? Кто?! Шутки шутить со мной вздумали?! – нажав «отбой», Владимир Петрович раздраженно бросил ни в чем не повинный мобильник на стол, угодив аккуратно между бутылками водки и коньяку. – Ты прикинь, Виталь, этот... вызывающий представился... Сталиным! Как будто

кто-то наш разговор подслушал и решил так СО МНОЙ пошутить! Ох, найду я этих юмористов...

Батоныч торопливо разлил остатки коньяка и уже почти поднес рюмку к губам, когда из лежавшего на столе аппарата отчетливо донеслось:

– Это не шутка! Это действительно я, Сталин! Кто там с вами? Не Виталий Дубинин?

– Да, это я, Иосиф Виссарионович! Виталий Дубинин. Добрый день! – нагнувшись к мобильнику, торопливо сказал я. – Я тут у... коллеги в гостях. Вы его горячность простите – это он от неожиданности.

– Конечно, прощаю! – пророкотало из динамика. – Я помню, как вы сами в первый раз реагировали.

– Иосиф Виссарионович? – глупо хлопая глазами, переспросил Батоныч.

Теперь я сам мог наглядно убедиться, какую реакцию вызывает подобное происшествие. Неужели и у меня 18 июня был такой же ошарашенный вид? Однако Володя немедленно подтвердил наличие быстрого ума, который помог ему достичь более высокого статуса, нежели мне, – мгновенно сориентировавшись в обстановке, главарь местной ОПГ расправил плечи, как-то весь подтянулся и громко и четко сказал:

– Прошу прощения, товарищ Сталин, не сразу понял, кто звонит. У аппарата полковник бронетанковых войск Советской Армии Владимир Петрович Бат. Можете располагать мной по своему усмотрению!

Глава 2

27 июня 1941 года, окрестности Клецка

После взрыва легкового автомобиля и гибели комиссара уходили «в темпе вальса», не теряя ни минуты. Все произошло слишком быстро, чтобы бойцы

успели хоть что-то понять. В памяти капитана Захарова, которого взрывной волной отбросило на несколько метров и контузило, отложилось только одно: вот Дубинин подходит к машине, дергает заднюю дверцу и заглядывает внутрь, тут же резко отскакивая с криком «Ложись!». И практически сразу гремит мощный взрыв, после которого от легковушки почти ничего не остается. Волна спрессованного воздуха властно подхватывает тело Александра и швыряет в сторону, впечатывая в дорожную пыль. От удара сознание меркнет, а когда он снова приходит в себя, на месте «Опеля» – лишь воронка, вокруг которой и на дороге раскидано множество искореженных обломков. Бросившиеся вперед красноармейцы – Захаров лишь приподнялся, мотая звенящей головой, на локте – не обнаружили ни одного тела, ни пассажиров авто, ни самого комиссара. Впрочем, понятно, при таком-то взрыве! Рвануло не хуже, как если бы в машину попал гаубичный снаряд или фугасная авиабомба.

Более-менее очухавшись, капитан рванулся (точнее, похромал, покачиваясь словно пьяный) к бронетранспортеру, проверяя, на месте ли драгоценный чемодан с документами. Чемодан оказался на месте и от взрыва, разумеется, не пострадал, как и укрытая в придорожных кустах бронемашина. Захаров облегченно выдохнул. Комиссара, конечно, до безумия жаль, но главное, насколько он понял, доставить секретный груз в особый отдел. И теперь, как ни крути, это его задача. Главное, пароль не позабыть, как там он говорил, «Брест сорок один»?

Остальные бойцы, придя в себя после столь неожиданного финала короткого боя на дороге, также занялись делом. Пока танкисты сливали из бака съехавшего в кювет грузовика бензин – канистры нашлись в кузове – и заправляли бронетранспортер, артиллеристы собрали оружие и забрали, как велел комиссар, у пострелянных гитлеровцев документы. Заодно затрофеились перевязочными пакетами, сухпайками и флягами с водой и шнапсом. Двигаться дальше однозначно решили на трофейном броневике – во-первых, машина испытанная, да и бортовая броня лишней не станет, а во-вторых, «Мерседес» пришлось бы сначала вытащить на дорогу лебедкой все того же бронетранспортера, а это драгоценное время, которого, как водится, не хватает. С минуты на минуту на шоссе могут показаться гитлеровцы, и придется давать бой, что неприемлемо, учитывая, какую ценность везет с собой капитан Захаров.

В очередной раз бросив на часы встревоженный взгляд, Александр, после гибели комиссара снова принявший отряд под командование на правах старшего

по званию, отдал приказ поджечь грузовик и немедленно уходить. Спустя пару минут полугусеничник, мерно покачиваясь на неровностях разбитой грунтовки, уже пылил в намеченном направлении, благо карта имелась – та самая, что оставил Дубинин. И на которой было обозначено место, где он спрятал свой поврежденный гадами-немцами автомобиль, который тоже следовало найти и в целости и невредимости доставить к нашим, поскольку секретный прототип. Все-то у товарища батальонного комиссара секретное... было.

На этой мысли капитан загрустил и, чтобы отогнать невеселые мысли, занялся требующим перезарядки оружием. Продолжая тем не менее прокручивать в уме их дальнейшие планы. Если верить словам товарища Дубинина – а не доверять ему с определенного момента казалось летчику просто кощунственным, – до передка всего около полусотни километров. Как сам комиссар и сказал: «пару часов езды». Но он же и предупреждал, что четкой линии фронта нет, так что есть шанс наткнуться на немцев, контролирующих перекрестки ключевых дорог. И какой отсюда вывод? Правильно, с верного направления не сбиться, того, что комиссар на карте обозначил. Отложив автомат, Захаров торопливо вытащил из планшета карту и взгляделся в условные обозначения. Лишь бы нужный поворот не пропустить, вот этот, что красным карандашом обведен, тогда совсем кисло может стать....

Вопреки опасениям комэска, до своих они добрались без приключений, не встретив по дороге ни одного фрица – привязалось же брошенное комиссаром словечко! Периодически над головой пролетали немецкие самолеты, и одиночки-авиаразведчики, и идущие девятками бомберы или группы пикирующих «восемьдесят седьмых», но на пылящий по лесной грунтовке бронетранспортер они внимания не обращали. То ли узнавали «своего», то ли, что скорее, просто не видели на дороге, большей частью скрывающейся под кронами деревьев.

А затем бронетранспортер обстреляли. К счастью, без серьезных последствий и жертв: пули расколотили фару и пробили правое переднее колесо, из-за чего бронемашина вильнула в сторону и заглохла поперек дороги. Сидящий рядом с мехводом сержант Гаврилов, решивший, что они нарвались на гитлеровцев, рванул к курсовому пулемету, однако Захаров уже разглядел в смотровое окошко засевших в зарослях красноармейцев. Рискуя получить шальную – а то и прицельную, поди знай! – пулю, капитан высунулся наружу, неистово замахал шлемом и выдал недлинную тираду на русском командном, мгновенно убедившую атаковавших в том, что едут свои. Спустя минуту бэтээр уже

окружили пехотинцы с трехлинейками в руках, с искренним интересом осматривая трофейную технику. Видно было, что их распирает от любопытства, но задавать вопросы никто не спешил. Наконец, самый смелый, немолодой пехотинец со старшинской «пилой» на малиновых петлицах, не выдержал, обратившись к Гаврилову (комэск так и сидел внутри бронемашины, не рискуя оставить без присмотра драгоценный груз):

– Гляжу, знатный у тебя броневик, сержант. Спереду вроде как автомобиль, а сзади – вроде уже танк. Это где ж такие раздают бесплатно, да за какие, стало быть, заслуги?

Преисполнившийся собственной значимостью танкист ответил, старательно делая вид, что ничего «эдакого» в самом факте захвата вражеской бронетехники и нет. Получилось не шибко искренне, поскольку трофеем он и на самом деле гордился. Как и тем, при каких обстоятельствах оный трофей им достался:

– Места нужно знать, товарищ старшина. А заслуги наши простые: как надоело нам с мехводом ножками топтать, так решили собственным транспортом обзавестись. Постреляли немцев, бронетранспортер ихний забрали да к линии фронта и покатили. А по дороге товарища капитана с артиллеристами встретили. Там, значит, снова постреляли, такой же броневик уничтожили, а тут как раз и товарищ батальонный комиссар...

– Ох, Степа, болтаешь больно много! – резко оборвал его высунувшийся из бронемашины механик-водитель. – У нас командир имеется, вот он пуцай и решает, когда и что говорить следует. Верно, тарц капитан?

Захаров молча кивнул, поднимаясь на ноги и становясь таким образом, чтобы под расстегнутым комбинезоном стали видны рубиновые «шпалы» на голубых летных петлицах. Старшина немедленно вытянулся во фронт:

– Виноват, товарищ капитан, не заметил. Старшина Девятаев.

– Вольно, – махнул рукой Захаров. – Старшина, командир ваш где? Раненый у нас, тяжелый, в медсанбат срочно нужно. Носилки нужны. Мы бы сами доехали, да ваши бойцы колесо пробили.

– Так вона он как раз идет. – Девятаев кивнул на приближающегося торопливым шагом командира. – Старший лейтенант Калугин. А за колесо – извиняйте, тарщ капитан. Сами понимаете, машина германская, кресты на бортах, пулемет вон ихний торчит, двигалась прямиком на наши позиции, что оставалось делать? Скажите спасибо, что гранатами не закидали – бойцы мои шибко злые на немцев....

– Спасибо, – автоматически буркнул Захаров, выбираясь из бэтээра с заветным чемоданом в руках. Петелька от бечевки для активации зажигательной бомбы была на всякий случай надета на большой палец.

Подошедший командир в звании старшего лейтенанта с искренним недоумением взглянул на металлический чемоданчик в его руке и козырнул, четко бросив руку к козырьку запыленной фуражки. Представился. Следом представился и комэск, кратко объяснив, кто они и откуда. Разумеется, без лишних подробностей:

– Товарищ старший лейтенант, мне необходимо немедленно встретится с представителем Особого отдела. Вопрос государственной важности! Это возможно?

– Так точно! – кивнул тот, благоразумно воздержавшись от лишних вопросов, на которые Александр все равно бы не ответил.

– Тогда проводите меня. И распорядитесь насчет носилок, у нас тяжелораненый командир, ему срочно нужна медицинская помощь.

Еще через час, приведя себя в порядок и сдав оружие, окруженцы уже беседовали с представителями Особого отдела. Нельзя сказать, что их сильно мурыжили – документы имелись у всех, да и неслабые трофеи вкупе с зольдбухами перебитых гитлеровцев произвели должное впечатление. Танкистов с артиллеристами отпустили почти сразу, отправив в фильтрационный лагерь.

Исключение составил, разумеется, капитан Захаров, особенно после того, как предъявил таинственный чемодан и назвал пароль. Собственно, с пароля-то все и началось: проводивший первый допрос уставший до крайности сержант госбезопасности с красными от хронического недосыпа глазами

на произнесенную кодовую фразу никак не отреагировал. Пришлось отказаться отвечать на вопросы и потребовать вызвать старшего по званию...

– Старшего тебе? Отвечать не станешь? – похоже, особист был искренне удивлен. – А сразу самому товарищу Берии позвонить не желаешь? – Он медленно поднялся на ноги и обошел стол. – В первый и последний раз повторяю вопрос: что в чемодане и где ты его взял?

– В чемодане секретные документы, которые необходимо срочно отправить в Москву. Вы не ответили на пароль, позвоните старшего по званию. Больше ни на какие вопросы отвечать не уполномочен. Неужели так трудно просто позвать...

Хэк!

Не ожидавший ничего подобного Александр сверзился с табурета от сильного удара по ребрам. На миг в глазах помутилось, вышарканные доски пола расплылись в глазах, снова заняло раненое плечо. Нависший над комэском сержант несильно пнул его в бок и с угрозой прорычал:

– Достаточно? Или еще добавить? Говори, вражина, что в чемодане? Кто дал, немцы? С какой целью? Может, там бомба? Как в плен попал? Сам, сука, сдался? Как в доверие к остальным втерся? Ну, будешь отвечать, падаль?

– Нет, – прохрипел капитан, заслоняясь здоровой рукой от новых пинков. – Позвоните старшего по... ох, блин, больно!.. званию!

– Счас позову, счас, падла, так позову, что...

– Отставить! – внезапно раздалось от двери. – Изгарин, совсем охренел?! Ты чего творишь? Он же раненый! Что тут вообще происходит?!

– Да вот, – слегка запыхавшимся голосом сообщил сержант. – Отвечать отказывается, тварюка, мол, позвоните старшего по званию, и все тут! Бред какой-то несет. Мол, если я на этот его долбаный «брест-сорок-один» не клюнул, он, вишь ли, и говорить со мной не будет! Точно говорю, заслан...

- ЧТО?! - прошептал вошедший. - Что ты сказал, Изгарин, а ну повтори?

- Чего повторить? - протупил сержант.

- «Брест сорок один», - четко произнес в ответ Захаров, приподнимаясь и длинно сплевывая на пол кровавой слюной. - Вот что повторить.

Услышав пароль, контрразведчик в звании лейтенанта госбезопасности изменился в лице.

- Ты что творишь, Изгарин? - тихим напряженным голосом, предвещающим бурю, спросил лейтенант. - Под трибунал захотел? Ты хоть знаешь, придурок, на кого ты руку поднял? Товарищ Дубинин, я полагаю?

Захаров, не отвечая на последний, адресованный уже ему вопрос, встал с пола и быстро шагнул к сержанту. Резкий, отработанный удар в печень, а когда Изгарин согнулся от боли - коленом в лицо.

- Товарищ Дубинин! Достаточно! - мягко, словно уговаривая подростка, сказал лейтенант. - Он получит по служебной линии...

Но летчик, не удержавшись, добавил еще и кулаком в ухо, свалив сержанта с ног. Хотел было добавить сапогом по ребрам, но контрразведчик аккуратно придержал за плечо.

- Пожалуйста, товарищ Дубинин, не надо! Он свое получит! Изгарин! Скройся с глаз долой, идиот!

Сержант, не вставая, на четвереньках покинул комнату.

- В расчете! - буркнул ему вслед Захаров, постепенно остывая. - Какая-то тыловая крыса... меня... боевого летчика...

- Приношу вам свои извинения! - снова заговорил лейтенант, протягивая капитану чистый белый платок. - Присаживайтесь, пожалуйста! Курите?

От курева комэск отказался, поскольку дурным делом не баловался, платком же воспользовался, замарав его кровью из разбитых губ. Особист уселся напротив, поморщился, глядя на старания Захарова, и снова извинился:

– Простите нас за этот... инцидент, товарищ Дубинин! Мы строго накажем виновного!

– Я не Дубинин! – наконец ответил летчик. – Я капитан Захаров. Батальонный комиссар Дубинин погиб по пути сюда. А мне передал пароль и вот этот чемоданчик, который ваш сержант хотел открыть, не имея необходимого допуска.

Услышав такой ответ, контрразведчик заметно помрачнел и вежливо попросил рассказать обстоятельства гибели батальонного во всех подробностях, что Александр и сделал. Рассказ лейтенанта, видимо, не удовлетворил, и он выдал летчику нетолстую пачку бумаги и очиненный карандаш, заставив описать все еще раз. Затем снова задавал вопросы.

Драгоценный чемодан же сразу куда-то унесли – после того, разумеется, как Александр объяснил, как обезвредить зажигательную бомбу внутри...

Глава 3

27 июня 2015 года, Москва

Очередной разговор с Вождем прошел предельно конструктивно. Я сразу рассказал ему, что в данном варианте истории Советский Союз просуществовал на двадцать лет дольше и остался практически в тех же границах благодаря его мудрому решению ликвидировать национальные республики. Сталин, в свою очередь, поблагодарил меня за чемоданчик с ценными материалами, доставленный ему буквально час назад из Белоруссии. Добрался, стало быть, до своих капитан Захаров. Затем я примерно обрисовал Иосифу Виссарионовичу обстановку на фронтах на сегодняшнюю дату с учетом изменения текущей обстановки из-за моего вмешательства. Положение Красной Армии оставалось тяжелым, но весьма далеким от той катастрофы, что случилась в «моей»

реальности: больших прорывов механизированных соединений гитлеровцев пока удалось избежать, Западный фронт устоял под мощным напором, хоть и прогнулся. Размен боевой техники шел не в нашу пользу, но в куда лучшем соотношении, чем даже в уже однажды измененной истории. И последний фактор, как я понял, уже начал сказываться на планах фрицев – они за первые дни войны потеряли гораздо больше танков и самолетов, чем планировали, и просто не успевали уже «быть сильными везде».

В конце разговора Владимир Петрович добавил, что окажет мне всяческую помощь, как новой информацией, так и техническую.

И помощь эту начал оказывать практически сразу, едва пропал контакт с нашим собеседником. То есть сначала мы, естественно, накатили. Ну надо было Батону чу это... после такого-то... А вот затем Володька буквально выпотрошил меня насчет того, что уже я успел отправить Сталину.

– Ну, с уставами это ты правильно придумал, – задумчиво кивнул он, когда я замолчал и сгрел со стола стакан с нарзаном. – Уставы – это, пожалуй, самое важное... И координаты аэродромов тоже правильно передал. Только вот финских мало. Надо накопать точные координаты немецких. Весь блицкриг построен на тотальном превосходстве в воздухе. Если мы немцев этого лишим – они уже в сорок первом посыплются... Ну да ладно, я этим Очкарика запрягу. Он по поиску в Библиотеке мастер... А вот с техническими данными и образцами вооружения ты недоработал. Детальнее надо. Вот, скажем, подкалиберные снаряды наши начали разрабатывать в сорок первом году, а их производство наладили только к лету сорок третьего. Да и то лишь калибра сорок пять миллиметров. А основным орудием у нас всю войну «ЗиС-3» была калибра семьдесят шесть «мы-мы». Даже ИПТАПы[6 - ИПТАП (истребительно-противотанковый артиллерийский полк) – специализированная артиллерийская часть, «заточенная» под борьбу с танками. Придавалась в качестве усиления частям и соединениям на направлениях прорыва или главного удара.] ею до самого конца войны вооружались, потому что «ЗиС-2» не хватало... Вот ей бы подкалиберный к лету сорок третьего, под «Тигры» и «Пантеры» очень не помешает... Почему не сделали? Надо копать!

– И «ПТАБы»[7 - «ПТАБ-2,5-1,5» – советская противотанковая авиабомба предназначенная для поражения танков. Снаряжались в кассеты по 48 штук. Штурмовик «Ил-2» брал четыре таких контейнера. При сбрасывании бомбы накрывали площадь 15 м ? 200 м. Учитывая, что горизонтальное бронирование

танков традиционно весьма слабо, вероятность поражения цели была высокой.], – согласно кивнул я. – Они ж вроде как на базе немецких кумулятивных снарядов разрабатывались. Вот бы их уже в сорок втором в войска... Да и сами кумулятивные снаряды пораньше... У них же, в отличие от всех остальных, бронепробиваемость от дистанции поражения вообще не зависит. И на сто метров, и на тысячу – одинаковая. Ну и от начальной скорости снаряда тоже не зависит. Из полковушки[8 - Главный герой имеет в виду 76-мм полковые пушки образца 1927 и 1943 годов, состоявшие на вооружении артбатарей полков, но имеющие чрезвычайно низкую начальную скорость снаряда и вследствие этого бронепробиваемость, уступающую даже противотанковым ружьям «ПТРД» и «ПТРС».] можно танки бить...

– Эх, пехота, – пробурчал Батонич, – все б тебе танки бить...

Первым делом Батонич вызвал Очкарика и дал ему задание срочно найти в Библиотеке боевые уставы всех родов войск с 1942 по 1944 год (само собой, уже этой реальности), а также штатные расписания боевых, тыловых и медицинских подразделений, частей и соединений тех же годов. Затем мы прикинули, какие технические проекты можно быстро реализовать, используя технологии сороковых годов, и сошлись на том, что надо найти информацию по истребителю «По-7» и танку «Т-44». Полную информацию: чертежи, технологические карты сборки, необходимую оснастку, список материалов, заметки о трудности освоения в серии и особенностях различных производств. Отдельно пакеты аналогичных документов по двигателям «АШ-71ФН2» для самолета и «В-44» для танка.

Я на этом не остановился, предложив «до кучи» разыскать технологию серийного изготовления пенициллина и других антибиотиков. Володя немедленно добавил в список еще что-то от себя, сугубо специфическое бронетанковое, вроде стабилизатора орудия. В общем, работа закипела.

Уже под вечер Батонич вдруг спросил меня:

– А можно мне отправиться с тобой? – В его голосе мне послышалась этакая стеснительность.

– Не знаю, Володя! – честно ответил я. – Не в том смысле, что хочу тебе запретить. Просто до сих пор все переносы касались только меня одного. Может

быть, «канал» лишь на меня настроен, а может, из-за того, что я в момент «провала» один был. Но почему бы и не попробовать?

– Отлично! – Батоныч обрадовался как ребенок. Словно ему предстояло не жизнью рисковать, а увеселительная прогулка. Неужели в этой реальности он «в солдатики» не наигрался? Хотя... вполне может быть, что так оно и есть: здесь ведь не было кровавой каши двух Чеченских войн, которой мы с Владимиром Батом сполна хлебнули в «моем» мире. – Отлично! Как думаешь, если я форму полковника бронетанковых войск закажу, это не будет нескромно?

– Думаю, что нет! – невольно улыбнулся я. – Ты ведь свои звездочки честно заслужил.

– Тогда прямо сейчас распоряжусь! – немедленно вскочил с места Батоныч. – Можешь здесь отдыхать, куда ты на ночь глядя поедешь? В Москве сейчас такая обстановка после заката... ПОШАЛИВАЮТ... Жратвы и выпивки полно, холодильник в углу битком набит. Вот там за дверью – санузел с душем. А то, если желаешь, у нас и сауна в подвале есть.

При слове «подвал» меня рефлекторно передернуло. И Володя это заметил.

– Ладно, ночуй здесь! В душевой халат висит, переоденься, а твою форму тем временем почистят. Встретимся утром!

И Батоныч стремительно покинул комнату отдыха.

Где-то через час, когда я, приняв душ и побрившись одноразовым станком, сидел с рюмкой коньяка и бутербродом, завернувшись в халат, на пухлом диване и наслаждался незнакомой поп-музыкой из «саунд-бокса», меня посетили гости. Деликатно постучавшись и даже (о, чудо!) дождавшись разрешения войти, в комнату зашли Очкарик и Колян.

– Вы уж извините меня, Виталий! – смущенно сказал Колян. – Я ведь не знал!

– Говно вопрос, Коля! – махнул я рукой. – Ты действовал в строгом соответствии с приказом, без всякого живодерства. Вот только шутки у тебя... тупые!

– Да, это мне все говорят! – робко (робко, блин!!!) улыбнулся Колян. – Только Димон над ними и ржет. Батоныч сколько раз мне пенял: мол, дошучусь когда-нибудь.

– Да ты присядь, Коля, в ногах правды нет! – пригласил я здоровяка. – И ты садись... Очкарик! Прости, не знаю твоего имени.

– Борис! – пробасил Очкарик. – Но я к позывному уже привык, так что зовите меня Очкариком.

– И ты тоже бывший вояка? – уточнил я.

– Так точно! – шутливо вытянулся Борис. – Старший лейтенант войск связи Борис Кариков. Спасибо за приглашение, Виталий, только мы ненадолго. Батоныч распорядился показать вам, как здесь в Библиотеку можно выйти. Если вам вдруг перед сном приспичит там покопаться.

– А мне велел вашу форму в чистку забрать! – сказал Колян.

– Хорошо, действуйте, ребята! – поощрил я гостей. – Форма вот там на стуле сложена.

Колян, подхватив гимнастерку и шаровары, быстро ушел, а Очкарик принялся показывать мне, где выдвигается панель монитора и как управлять установленной здесь мини-ЭВМ. Убедившись, что я усвоил урок, Борис ушел, пожелав мне доброй ночи. А я, перекусив, немедленно полез в Библиотеку.

Для начала внимательно изучил текущую (конец июня) обстановку на фронтах. К счастью, отличия от «моей» реальности оказались куда более существенными, чем мне представлялось при беглом просмотре: по всей линии соприкосновения шли тяжелые оборонительные бои, но больших «котлов» нашим пока удавалось избегать. И в целом ситуация для немцев не являлась благоприятной – они балансировали на грани фола, продолжая пользоваться тем же авантюрным приемом: прорывом танков и мотопехоты на всю глубину оперативного построения. Уже несколько раз нашим удавалось отсечь механизированные группы от идущей следом на своих двоих немецкой пехоты. А причина была в том, что в первые дни войны Люфтваффе понесли гораздо большие потери, чем в «прошлый раз», а у ВВС РККА, напротив, сохранилось изрядное количество

самолетов. Аналогично вышло и у наземных войск – у фашистов сгорела почти половина танков, а почти все мехкорпуса Красной Армии сохранили боеспособность, хоть и лишились значительного числа техники.

Определив «точку перехода» на завтрашний день (не стал особо заморачиваться, решив вернуться в тот же Клецк), перешел к вопросу, заинтересовавшему меня при первом просмотре Библиотеки: почему америкосам не хватило плутония на вторую бомбу. Выяснилось, что в конце 1941 года советская разведка провела успешную операцию по лишению США запасов урановой руды, которая, как я рассказал еще при первом разговоре с Вождем, будучи вывезенной из Бельгийского Конго, хранилась где-то в нью-йоркском порту почти без охраны вплоть до сорок второго года. Операция вышла изящной: похитить руду нашим представилось невозможным, но агенты-нелегалы сумели арендовать соседний склад и за пару месяцев забили его азотными удобрениями. Аккурат в Рождественскую ночь склад с удобрениями загорелся, а потом и взорвался, практически сразу после прибытия в порт пожарных расчетов. Да так «неудачно» взорвался, что множество пылающих бочек с оксидом урана разлетелось по всему терминалу, надолго отравив территорию. Когда обозленные американцы провели по горячим следам расследование, то выяснили: аренду склада с удобрениями оформил человек с аргентинской фамилией, говоривший, однако, с легким немецким акцентом. Так и списали диверсию на немцев, а правду узнали только в семидесятые годы.

Посмеявшись, я принялся за составление списка необходимой информации, решив, что боевых уставов и чертежей «Т-44» и «По-7» будет маловато для очередного вояжа. Расширил номенклатуру боевой техники, включив в список чертежи и технологические карты производства:

самолетов «По-5», «Як-3», «Ту-2» в вариантах С, Т, Р, «Ил-10»;

танков «Т-34-85», «ИС-2» и «ИС-3»;

самоходок «СУ-76» (очень полезная для непосредственной поддержки пехоты самоходочка), «СУ-100», «ИСУ-122», «ИСУ-152»;

гаубицы «Д-1»;

160-мм и 240-мм минометов;

«РПГ-2», «ППС», пулеметов «КПВТ» и «ПК» (вполне повторяем на той технической базе, так что с «СГ-43» можно не заморачиваться);

авиационных пушек «Б-20», «НС-23» и «НР-23»;

«РЛС» типа «П-8» и «П-10» (более крутые долго еще не потянут);

радиостанций «Р-104» и «Р-113»;

ПТАБ, кумулятивных и подкалиберных снарядов...

Набил несколько страниц, решив озадачить подбором Очкарика. Уже за полночь, собираясь укладываться спать (сильно болели натруженные «об монитор» глаза), я вспомнил о «ядрен-батоне» и добавил в список задание найти всю инфу по ядерному оружию: принципиальные схемы, схемы сборки, технологические процессы по реакторам и процессу обогащения, используемые в реакторах и центрифугах, а также в другом технологическом оборудовании материалы и способы их получения. И до кучи – географические координаты месторождений урана.

А уж вспомнив о месторождениях, я добавил в список заданий: найти координаты мест залегания и особенности добычи других полезных ископаемых. Уснул с чувством хорошо поработавшего человека.

Глава 4

28 июня 1941 года, окрестности Слуцка

– Захаров, зайдите, – раздался из распахнувшейся двери знакомый голос контрразведчика. Комэск поднялся со стула и вошел в знакомую до боли комнату. Лейтенант сидел за столом, просматривая какие-то бумаги.

– Присаживайтесь, – не поднимая взгляда, особист кивнул на стул. – Во-первых, вашу личность и факт уничтожения противником вашего истребителя в полку

подтвердили. Во-вторых, мне приказано немедленно отправить вас в Москву. Сделать это непросто, гитлеровцы начали очередной прорыв, и мы точно не знаем, безопасна ли дорога до аэродрома, а это почти семь километров. Но так же опасно оставлять вас здесь, обстановка может измениться в течение часа.

– А документы? – не удержался Александр, которого собственная судьба волновала куда меньше, нежели комиссарский чемодан.

Лейтенант помолчал, похоже, решая, стоит ли отвечать. Решил, что стоит:

– Груз отправили еще в первый день, он уже в столице, не волнуйтесь. Теперь вот вас требуют... следом. Машину и сопровождение дам, но не больше двух человек плюс водитель. Сержанта Изгарина помните?

Капитан поморщился, вызвав на лице контрразведчика болезненную гримасу.

– Да не морщись ты, летун! Ну, перегнул он палку, за что и получил от тебя по морде, а я ему еще и строгий выговор с занесением в личное дело добавил. Хотя человека тоже можно понять, сам знаешь, что вокруг творится! Думаешь, среди тех, кто из окружения выходит, мало предателей, трусов и паникеров? Поверь мне, еще как подобные личности встречаются. Ну хочешь – извинится он?

– Не хочу, уже не хочу, – угрюмо помотал головой Захаров. – Ладно, забыли. На карте хоть покажете, куда ехать?

– Отчего ж не показать, покажу, конечно. – Похоже, ответ лейтенанту пришелся по душе, аж лицо разгладилось. – Вот гляди, мы тут, а аэродром, стало быть, тут. Вроде и недалеко, а поди знай, что по дороге случится. Каркать не хочу, но если вдруг что, вот так можно пешком дотопать, запоминай. Пока аэродром цел, тебя будет ждать самолет. Вопросы?

– Не имею, – по-военному четко ответил комэск. – Когда выезжаем?

– А прямо сейчас, к чему тянуть? Да и опасно затягивать, если с тобой что плохое произойдет, спросят-то не с кого-нибудь, а с меня. Причем так спросят, что мало не покажется – ты даже не представляешь, ОТКУДА приказ эвакуировать тебя

пришел. Все, хватит болтать, иди, собирайся. Выезжаешь через десять минут.

Контрразведчик первым поднялся на ноги. И первым же протянул руку, сильно пожав ладонь Александра:

– Прощай, капитан. Извини, если что не так, и зла не держи. Глядишь, еще свидимся, война – она такая штука. Ступай – и удачи тебе!

– Спасибо. – Захаров щелкнул каблуками сапог и коротко кивнул, поскольку головного убора не имел и козырять не мог. – До встречи, товарищ лейтенант...

* * *

На разбитой грунтовке полторку отчаянно швыряло из стороны в сторону, и комэк периодически ударялся раненым плечом о стойку кабины, сдавленно шипя от боли. Водитель, немолодой ефрейтор-пехотинец, бросал на капитана короткие виноватые взгляды, но скорости не сбавлял, стремясь как можно скорее преодолеть последние несколько километров и добраться до аэродрома. Да и в чем его вина, ежели дорога такая? Не дорога, а так, направление. Еще и основательно раздолбанное гусеницами недавно прошедших здесь танков.

Впрочем, едущему в кузове Изгарину, которому, чтобы не упасть, приходилось обеими руками держаться за борт, было еще хуже. К тому же несколько загруженных в машину ящиков с неизвестным содержимым постоянно норовили изменить свое местоположение, и приходилось упираться в них сапогами. Нормальные отношения у них с Александром так и не наладились. Нет, волками друг на друга не глядели, конечно, сержант даже руку бывшему подследственному при встрече пожал, но в глаза друг другу так и не смотрели. Захаров – из-за неприязни, что его, боевого пилота-истребителя, приняли за предателя, Изгарин... скорее всего оттого, что никакой вины за собой не чувствовал и искренне не понимал, за что получил неслабую выволочку от начальства (об истинном значении пароля «Брест сорок один» он, разумеется, так и не узнал).

Трофейный автомат вместе с подсумком на три запасных магазина и личные вещи Захарову вернули, равно как и табельный «ТТ», так что ехал он вполне

вооруженным. Пожалуй, даже побольше, чем сопровождающие – у сержанта имелся «ППД-40» и «наган», у водителя и вовсе только трехлинейка, закинутая из-за тесноты в кабине в кузов.

Более-менее удобно устроившись на дерматиновой сидухе – дорога пошла поровнее, и грузовик наконец почти перестало раскачивать, – капитан задумался. Что ж, задание погибшего комиссара он, как ни крути, выполнил: и чемодан с секретными документами, и карта с координатами брошенной автомашины уже в столице. А сейчас и он сам доведом к ним полетит. Обидно, конечно, что отправляют в тыл – ему воевать нужно, немцев сбивать, но командованию всяко виднее. Да и не задержится он в Москве надолго – в очередной раз расскажет про обстоятельства гибели Дубинина и сразу вернется в полк. Получит новый самолет – и вперед. Должок у него, за Ваньку Баранова и других ребят эскадрильи отомстить нужно. И он отомстит, и не раз. Еще ни одного фрицевского аса на землю опустит. И то, как выбросившихся с парашютами пилотов расстреливали, забывать нельзя. Сам он до подобной подлости не опустится, разумеется, но бить будет так, чтобы наверняка. Чтобы вниз, суки, сыпались исключительно в виде пылающих обломков! Теперь только по кокпиту бить будет, чтобы остекление кабины красным от крови было!

Предостерегающий крик водителя оторвал капитана от мыслей о скорой расплате с асами Геринга, которая, судя по всему, откладывалась на неопределенный срок. Вывернувшая из-за крутого поворота, скрытого придорожными зарослями, полуторка едва ли не лоб в лоб напоролась на гитлеровцев, до которых оставалось не больше двух сотен метров. Два мотоцикла с колясками и легкий броневик, в точности такой, на котором они ехали вместе с комиссаром. Видимо, передовой дозор, проверяющий шоссе перед основной колонной. Похоже, накаркал-таки контрразведчик, когда относительно безопасности дороги к аэродрому сомневался! И они нарвались на одну из немецких частей, что развивала тактический успех помянутого им прорыва!

Скрипнув тормозами, грузовик вильнул к обочине, и шофер, матерясь во все горло, выкрутил руль, пытаясь развернуться на узкой грунтовке. Возможно, им и удалось бы уйти, свернув на одну из второстепенных лесных дорог, развилку к которой они проехали буквально пять минут назад. Но подвела техника: вставшая поперек дороги полуторка внезапно заглохла. Водила попытался было завестись, но не успел: с немецкой стороны загрохотали пулеметы, и лицо Захарова, боком вываливающегося из распахнувшейся дверцы,

оросило чем-то липким и теплым. Последним, что зафиксировало его сознание, прежде чем комэск рухнул в пыль, была неестественно запрокинутая голова ефрейтора, словно бы уменьшившаяся в размерах: тяжелая пулеметная пуля практически снесла ему верхнюю часть черепа. Раненое плечо ответило на удар о землю вспыхнувшей в мозгах дикой болью, но сознания Александр, к счастью, не потерял.

Отметив торопливое тархтенье «ППД» Изгарина – сержант лупил длинными очередями поверх борта, – капитан торопливо откатился от машины, подтягивая за ремень отлетевший в сторону автомат. Укрывшись от вражеских пуль, ежесекундно вздымающихся вокруг машины пыльные султанчики, за задними колесами, пилот снял оружие с предохранителя и вступил в бой. Автомат он, как и советовал батальонный комиссар, теперь держал правильно, за горловину приемника магазинов.

– Беги, летун, я прикрою! – заорал Изгарин.

– Да пошел ты! – огрызнулся Захаров и тихо добавил: – Я сам выберу, где умирать!

В голове было пусто, никаких мыслей, кроме одной: только бы попасть! Лишь бы не сдохнуть зазя, когда его не слишком надежную позицию нащупает вражеский пулеметчик. Или когда взорвется прошитый пулями бензобак полуторки, и автомобиль полыхнет, словно факел. Кто из них попал, он или сержант, Александр не знал, но пулеметчик внезапно несколько раз дернулся и откинулся назад, нелепо запрокинув голову, а водитель боком сполз на дорогу. Третий фриц шустро сиганул головой вперед, укрывшись за мотоциклом. И тут же замолчал автомат Изгарина, и из кузова раздался короткий и страшный вскрик. Вот и все, он снова остался один.

Разозленные гибелью товарищей гитлеровцы обрушили на несчастный грузовик огонь двух пулеметов, со второго мотоцикла и бронетранспортера, и на голову Захарова посыпались щепки, выбитые пулями из бортов. Звонко разлетелось лобовое стекло, с шипением рванулся из пробитых скатов воздух, и полуторка тяжело просела на простреленных колесах. Комэск бросил взгляд в сторону: нет, до леса далековато, живым не добежишь. Нашинкуют в два счета, даже пикнуть не успеет. Значит, придется сражаться до последнего, все равно других вариантов не имеется. И помощи ждать неоткуда, к сожалению. Что ж, погибнуть героически – тоже неплохой вариант, Дубинин бы оценил. Главное,

чтобы не ранили, чтоб сознание не потерять – в плен ему никак нельзя. Когда совсем туго станет, нужно успеть застрелиться.

Перевалившись на бок, Александр сменил магазин. Расстегнул клапан кобуры с пистолетом, большим пальцем взведя курок. Если что, успеет вытащить да пальнуть в висок, патрон в стволе, дослал, как в машину садился, словно чувствовал. Поудобнее уперся в землю локтями и привалился к спущенному колесу. Дал короткую прицельную очередь, следом вторую и третью. Патроны он не экономил – какой смысл? Трех магазинов ему всяко хватит. Как говорится, на всю оставшуюся жизнь.... Так что получайте, суки! Кушайте на здоровье, чтоб вас понос пробрал! Приклад упруго бил в плечо, стреляные гильзы улетали куда-то под днище грузовика.

Ему удалось достать еще одного из мотоциклистов. К сожалению, не пулеметчика, а того, что сидел за рулем – попытавшийся укрыться за броневиком фриц получил несколько пуль в спину и рухнул в дорожную пыль. На этом и без того сомнительная удача закончилась: следующая очередь легла в полуметре, напрочь запорошив глаза. Пока Захаров пытался проморгаться, пулеметчик поправил прицел, и пули ударили в пыльную резину спущенного ската в нескольких сантиметрах от его головы. Все, приехали...

И тут произошло нечто непонятное: раздалось странное ширканье, словно сорвало редуктор у баллона со сжатым воздухом, и в борт бронетранспортера уткнулась дымная струя. Мгновение – и боевая машина взорвалась, разбросав по дороге обломки искореженной брони. Над изуродованным корпусом взметнулся фонтан огня из разорванного бензобака, рванулось кверху полотнище жирного черного дыма. Гулко зарокотал пулемет, расшвыривая в стороны уцелевших мотоциклистов. И наступила тишина. Все заняло не больше пяти секунд.

Капитан ошарашенно помотал головой: это еще что такое?! Откуда помощь? Но, стоит заметить, вовремя, ох вовремя! Чуть бы промедлили – и все, отлетелся комэск Захаров...

28 июня 1941 года, окрестности Слуцка

Батоныч, бодрый, словно хлебнувший энергетика, разбудил меня на рассвете. После умывания и оправки мне принесли выстиранную и даже выглаженную форму. А еще кто-то не поленился отдраить до синих искр мои щегольские сапоги и заказать фуражку. Форму для Володи принесли несколько позже, и я мельком удивился оперативности, с которой она была сшита. А то, что это нетиповая форма, было видно сразу – гимнастерка не хэбэшная, а из тонкой шерстяной ткани. И села она на Владимире Петровиче как влитая. Даже с учетом поддетого под нее тонкого бронежилета скрытого ношения. Я от аналогичной защиты отказался – хватило трех предыдущих походов в прошлое, чтобы понять – неведомая сила, раз за разом посылающая меня в прошлое, не даст просто так сдохнуть.

Переодевшись, приступили к сортировке распечатанных Очкариком материалов. Он в кратчайшее время, всего за несколько часов, раздобыл практически всю заказанную по списку информацию. Бумаг набралось столько, что у меня на секунду возникло сомнение – сможем ли мы их утащить. В мой бывший «субарик» такое количество «макулатуры» уж точно бы не влезло. Да и в «уазик», я подозреваю, – тоже. С усмешкой вспомнил чемодан с документами, составлявший мой груз в предыдущую «прогулку». И я ведь тогда считал, что целый чемодан бумаг – это много! Сейчас мы загрузили на заднее сиденье «Гелендвагена», на решетке радиатора которого вместо трехлучевой звезды красовалась латинская буква «В»[9 - Знак того, что машина прошла глубокий тюнинг в фирме Брабус (Brabus GmbH).], несколько перемотанных скотчем коробок.

– А чего не в багажник? – спросил я, уже догадываясь о содержимом.

Вместо ответа Володя распахнул заднюю дверь: там навалом лежало оружие. Пулемет Калашникова, пара «АК-74» с подствольниками, «РПГ-7», «РПГ-18», набитые магазинами разгрузки, а также несколько цинков с патронами и ящиками с выстрелами к гранатомету.

– А это тебе персонально! – сказал Батоныч и протянул кобуру.

Я откинул клапан и достал «ТТ». На первый взгляд совершенно обычный, однако, присмотревшись, заметил отличия – рукоятка показалась чуть более длинной.

Выщелкнув магазин, я убедился – глазомер не подвел, в магазине не восемь, а девять патронов. И патроны тоже показались мне иными...

– Это «Застава М88», – пояснил Володя. – Магазин на девять патронов «девять на девятнадцать Парабеллум». Если вдруг в тыл к немцам занесет, то проблем с патронами не будет.

– Если мы со всем тем хозяйством, что у тебя в багажнике лежит, не отобьемся, то будет совершенно по хрену, под какой патрон сделан мой пистолет! – усмехнулся я. – Какая разница, из чего стреляться?

Батоныч фыркнул и обиженно отвернулся.

– Слушай, Володь, а с ментами проблем по пути не будет? Все-таки мы одеты несколько... не по моде. И полный багажник оружия. На первом же дорожном посту нас тормознут и... хорошо если на месте не прихлопнут.

– А чего нас тормозить? – вскинул брови Владимир Петрович. – Поедем по всем правилам, скорость превышать не будем!

– Да какая разница: будем нарушать или не будем? У вас что, просто так, для проверки документов, машины не тормозят? Тем более такие дорогие?

– А у нас есть универсальный пропуск! – лукаво усмехнулся Батоныч, жестом фокусника доставая из нагрудного кармана пачку денег.

– И здесь тоже коррупция! – тихо вздохнул я.

Подготовку к «походу в прошлое» закончили только после полудня, тронувшись в путь, даже не пообедав. С северо-востока города мы поехали на юго-запад через центр.

– А чего не по МКАДу? – спросил я Батоныча.

– Чего? – удивился Володя. – Какой еще «мкад»?

– Московская кольцевая автомобильная дорога!

- У нас точно такой нет! - подумав пару секунд, ответил Батоныч.

- Это как же у вас тогда: фуры с транзитными грузами через центр города ездят?

- Да вроде бы нет, - потер лоб Володя. - Как-то по окраинам проскакивают.

- Дикари-с! - рассмеялся я. - У вас, наверное, и Третьего транспортного кольца нет, и «бетонки»!

- Нет ничего! - даже немного огорчился Батоныч.

- И пробок нет?

- А это еще что за диво? - улыбнулся Володя.

- Затруднение движения, вплоть до полной остановки потока машин. У нас это настоящая беда: в будние дни невозможно по городу ездить. Дорога из одного конца Москвы в другой три-четыре часа занимает.

- Первый раз про такое слышу! - пожал плечами Батоныч.

Я почти четверть часа пялился в окно. Володя оказался прав - пробок в Москве НЕ БЫЛО! То есть - совершенно. Нормальное движение, примерно как в «моем» мире утром воскресенья. Но ближе к выезду из города все-таки начались ЗАТРУДНЕНИЯ. Скорость снизилась до тридцати-сорока километров.

- Блин, еле плетемся! - начал ворчать Батоныч. - Ползем, как беременные мухи. Целых двадцать минут едем там, где могли проскочить за десять...

- Эх, Володя, не видел ты настоящих пробок! - рассмеялся я над ворчанием приятеля. - Двадцать минут он, видите ли, едет вместо десяти. Кому из своих рассказать - ржачка обеспечена. У нас иной раз, особенно перед Новым годом, на Садовке можно несколько часов на ОДНОМ МЕСТЕ простоять, а ты... двадцать минут...

– Я тебя правильно понял: нам лучше по Калужскому шоссе через Бобруйск ехать, а не по Минке? – слегка обиженным тоном уточнил Батонич.

– Я так понимаю, что джи-пи-эс-навигатора у вас тоже нет? – хмыкнул я.

Володя только головой помотал.

– Да, по Калужскому нормально доедем. Я прошлый раз так и ехал. Переход произошел за Клецком.

До Бобруйска добрались к вечеру, особо не напрягаясь, сменяя друг друга за рулем через каждые пару часов, границы между Россией и Белоруссией я так и не заметил. Причем наша военная форма не вызывала никакого удивления на заправках и в кафешках, где мы пару раз останавливались, чтобы перекусить. Хотя в принципе и «у нас» реконструкторы тоже не вызывают особого любопытства, привык к ним средний обыватель.

На ночной постой встали в Слуцке, выбрав маленькую гостиничку в центре, по совету дежурившего на въезде в город милиционера. Настоящего «гаишника» – в старой милицейской форме, в перчатках с крагами, на мотоцикле «Урал» с коляской и надписью «ГАИ».

Ранним утром снова тронулись в путь, но ехали теперь крайне аккуратно, не гнали, внимательно смотрели по сторонам – ловили момент перехода. Но, как и в первые «провалы», он произошел незаметно. Вот вроде только что шуршал под колесами вполне приличный асфальт, как вдруг пошли сплошные колдобины.

– Кажись, приехали! – сворачивая на обочину, сказал я, сидящий в тот момент за рулем. – Теперь надо «шепотом» ехать, того и гляди немецкие байкеры с пулеметами в лоб выскочат.

Батонич молча вылез из салона, обошел машину, открыл багажник и вернулся с автоматом и «Мухой» в руках. Сунув гранатомет между сиденьями, он бросил автомат на пассажирское сиденье, а сам уселся сзади, подвинув картонные коробки и положив рядом пулемет. Я достал из бардачка и повесил на пояс кобуру с «Заставой», не забыв проверить наличие патрона в патроннике.

– Открой все окна и люк! Если начнут стрелять – сразу услышим! – посоветовал Володя. – И сильно не газуй, потихоньку-полегоньку.

Я тронул тяжелый джип с места, и мы медленно покатали на запад, держа «ушки на макушке». Поэтому тех самых «байкеров» заметили быстрее, чем они нас. Нам навстречу перли два или три мотоцикла с колясками, точнее угадать количество из-за клубов пыли не представлялось возможным. Я резко вывернул руль, и «Гелендваген», спокойно проскочив неглубокий кювет, вломился в придорожные кусты. Проскочив метров пятнадцать, мы с Батонычем резво выметнулись из автомобиля.

– Я на «фишку»! А ты закидай машину ветками! – скомандовал Володя, с пулеметом наперевес бросаясь к дороге.

Достав из кармана свой верный ножик, я скоренько нарубил десяток веток, почти полностью закрыв ими капот и крышу внедорожника. Затем, подхватив «граник» и «калашник», присоединился к Володе, залегшему у самой кромки кустов.

– Ну чего тут? – спросил я, укладываясь рядом.

– Чего-то они встали... – задумчиво ответил Батоныч, разглядывая немцев поверх прицела.

– Нас заметили?

– Фиг знает, но вряд ли... Сдается мне, что с одним из «моциков» беда произошла – они вокруг него суетятся. Правда, не забывая по сторонам поглядывать.

Я осторожно приподнял нижние ветки куста и выглянул. Немцы встали метрах в пятидесяти от нас. Так, что мы даже могли слышать обрывки разговора. Он происходил на повышенных тонах, с употреблением слов «доннерветтер», «шайзе» и «швайнехунд». Да, явно у них что-то не в порядке с техникой.

– Может, мы их того... прихлопнем? – спросил я. – Уж очень они удачно встали – как на ладони!

– Подождем! – веско обронил Батоныч. – Мало ли чего...

И как в воду глядел – не прошло и минуты, как к мотоциклистам подкатил полугусеничный бронетранспортер – брат-близнец того, на котором я рассекал примерно в этих краях три дня назад. Перебранка вспыхнула с новой силой, только теперь среди ругательств я отчетливо слышал слова «херр гауптман». То ли этот самый гауптман лично прибыл и теперь распекает подчиненных, а они через раз поминают его звание, то ли среди вновь прибывших кто-то грозитя доложить обстановку этому грозному «херру». От разборки фрицев отвлекло появление нового объекта – с запада, то есть примерно с той же стороны, откуда приехали «интуристы», показалась машина. И судя по быстроте, с которой мотоциклисты спрятались за своими «байками», явно не немецкая.

Секунд через двадцать, когда машина приблизилась метров на двести, стало видно – это советская полуторка. С нее тоже увидели противника. Трезво оценив соотношение сил, попытались развернуться и удрать, но не вышло – грузовичок нелепо заглох прямо поперек дороги. Тут-то фрицы и открыли огонь. Впрочем, ограничившись для начала одной очередью поперек кабины. Возможно, рассчитывая захватить пленных для допроса?

Но от полуторки ответили дружным автоматическим огнем. И сразу попали – один из фашистов сполз на землю. Немцы немедленно открыли ответный огонь, ожесточенно паля из всех стволов.

Я не выдержал, и, повернувшись на бок, привел «Муху» в боевое положение. Мой выстрел в бок бронетранспортеру и очередь Батоныча по мотоциклистам прозвучали почти одновременно. После впечатляющего взрыва (что они там везли – бензин в канистрах, что ли?) Володя аккуратно, несколькими прицельными выстрелами подчистил площадку. И сразу вскочив, рванул, пригнувшись, левее, крикнув на ходу:

– Глянь, чего там с полуторкой! Может, кто живой остался, а я «контроль» сделаю!

Подобрав автомат, я осторожно вышел на дорогу и медленно, давая невидимым стрелкам за грузовичком время присмотреться к моей форме, пошел вперед. К моему удивлению, мне навстречу шагнул... капитан Захаров, летчик-истребитель, которому я и поручил ответственное задание доставить «куда

надо» ценный груз.

Глава 6

28 июня 1941 года, окрестности Слуцка

Выждав еще минуту, Александр поднялся на ноги и, поколебавшись пару секунд – а вдруг? – встал на колесо и заглянул в изрешеченный кузов. Но чуда не произошло, Изгарин был мертв. Сержант полусидел, привалившись к переднему борту и свесив на грудь окровавленную голову, гимнастерка в нескольких местах пробита пулями. Автомат из рук он так и не выпустил. Залезть и забрать оружие? Нет смысла, приклад расщеплен, в патронном диске косая пробоина с рваными краями. Мысленно извинившись перед особистом, комэск спрыгнул на землю.

И замер, не в силах произнести ни слова: загребая сапогами дорожную пыль, к нему медленным шагом шел... погибший батальонный комиссар Дубинин! В руках батальонный держал непривычного вида карабин с примкнутым снизу длинным, как бы не на тридцать-сорок патронов, магазином-рожком.

Когда между ними осталось метров тридцать, комиссар узнал Захарова и широко улыбнулся:

– Ого, вот так встреча! Верно люди говорят, гора с горой не сходится, а человек с человеком... Похоже, и на этот раз я вовремя подоспел, верно, летун? – Дубинин весело подмигнул комэску. – Какими судьбами, капитан? Притягиваешь ты этих «байкеров» с пулеметами, что ли? Имей в виду, в третий раз меня рядом может и не оказаться, так что делай выводы. Сколько уже можно по земле кататься? В небо пора, в небо. Там работы – непочатый край.

– Так я это... как раз на аэродром ехал, а тут вот такое... то есть виноват, товарищ батальонный комиссар, разрешите объяснить?

– Потом объяснишь, сейчас времени нет, – помотал головой тот, протягивая ладонь. – Ну, здоров, что ль, летун? Пошли, времени и на самом деле мало.

В грузовике есть что ценное? Раненые?

– Никак нет, – машинально ответил капитан, не в силах отвести взгляда от лица комиссара. – Товарищ Дубинин, но вы ж ведь погибли, я сам видел?! От вас же ничего не осталось, когда та машина рванула? Как такое может быть?

– А вот представь себе, может, – посерьезнев, ответил батальонный. – Меня взрывной волной на ту сторону дороги отбросило, когда очнулся – вас уже не было, уехали. Что, не веришь? Или сомневаешься, что это именно я?

– Н...нет... – не слишком уверенно пробормотал Александр, находящийся на грани обморока. – Просто я же видел...

– Не верь глазам своим, – явно кого-то цитируя, криво ухмыльнулся Дубинин. – Позже поговорим, сейчас ехать нужно. Пошли, тут недалеко.

Идти и на самом деле оказалось совсем недалеко – метрах в ста обнаружилась наспех замаскированная ветками двухосная автомашина. Очень необычная машина: высокая, здоровенная, вся какая-то угловатая, покрытая припорошенной пылью черной лакировкой. На решетке радиатора какой-то незнакомый значок – буква «В» в круге. Возле откинутой вбок задней дверцы копошился, что-то укладывая внутрь, командир в форме полковника автобронетанковых войск.

Капитан дернулся было, собираясь вытянуться по стойке смирно и представиться по всей форме, однако Дубинин легонько подтолкнул его в спину:

– Да не тянись ты, не на плацу. В машине познакомитесь. Батон... э-э, тарщ полковник, все готово? Время поджимает.

– Готово, Виталик, едем. Я там все проверил – чисто, живых нет. Отстрелянный тубус от «Мухи» с собой забрал, незачем его фрицам видеть. Правильно?

– Угу, – окончательно наплевав на субординацию, ответил комиссар, открывая левую переднюю дверцу и укладывая между сиденьями свой карабин. Дверца, с точки зрения Захарова, раскрылась крайне необычно, практически бесшумно,

с каким-то негромким чпоканием. И столь же необычно закрылась. – Садись рядом со мной, капитан, говорить будет удобнее. А товарищ полковник сзади поедет. Ну, давай, чего застыл? Говорю же, время дорого, не хватает только еще раз на фрицев напороться.

Находящийся в полупрострации Захаров послушно обошел автомобиль, по привычке сильно дернул сверкающую хромом ручку – и едва не упал: дверца распахнулась легко, без усилия. Плюхнулся на шикарное кожаное сиденье, широкое, словно кресло. И откровенно завис, ошарашенно разглядывая переднюю панель со множеством каких-то переключателей, светящимися цветными табло и прочими непонятными штуковинами. Да уж куда там его «ишачку»! Как во всем этом вообще можно разобраться-то?!

Сидящий рядом комиссар перехватил его взгляд и улыбнулся:

– Не напрягайся, все нормально. Это тоже секретная разработка, опытный прототип, – автомобиль качнулся, когда на заднее сиденье, и вовсе широченное, как самый настоящий диван, заваленное картонными коробками, уселся полковник, положив на колени необычного вида пулемет с большим зеленым патронным коробом, и Дубинин тут же завел негромко заурчавший мотор. – Короче говоря, товарищ Сталин в курсе, а ты, если что, языком зря не трепли.

Машина плавно тронулась с места, выруливая на дорогу. Разница с полуторкой оказалась просто огромной: подвеска «секретного прототипа» легко скрадывала неровности, и автомобиль шел мягко, будто по хорошему асфальту.

– Я так понял, что с чемоданом все в порядке? Передал кому нужно.

– Так точно, товарищ комиссар, – обрадованный возможностью отвечать на конкретный вопрос, кивнул комэск. – Сразу же отправлен в Москву, вместе с вашей картой.

– Да, я знаю! Мне товарищ Сталин по телефону уже подтвердил получение. – Дубинин радостно подмигнул ошарашенному Захарову. – Молодец, капитан, благодарю за службу! А здесь как оказался? И на какой аэродром ехал?

– Так меня приказано тоже в столицу отправить, чтоб, значит, про вашу гибель подробно рассказал, а тут вы... живой... – Александр стушевался, не зная,

что говорить дальше.

– Раз приказано, значит, выполняй! – твердо ответил тот, протянув пилоту планшет с картой. – Как ехать, сможешь показать? Подбросим, а то снова на фрицев напорешься.

Несколько минут Захаров разбирался с картой, затем уверенно указал нужное место:

– Мы где-то тут, а аэродром – здесь. Ехать вот так, дорога как раз к нему и ведет.

Комиссар бросил быстрый взгляд, хмыкнул:

– Так вы почти доехали, и пары километров не будет. Мигом домчим. И кстати, Саша... тебя ведь Александром кличут, я верно запомнил? Ты мне вопросов особо не задавай, на большую часть все равно или не отвечу, или ты не поймешь. Так что лети в Москву, а когда к товарищу Сталину попадешь, рассказывай честно обо всем, что видел. И про нашу прошлую встречу, и про сегодняшнюю, и про товарища полковника тоже. Его, кстати, зовут Владимир Петрович Бат.

– Как к товарищу Сталину?! – ахнул комэск. – Шутите?!

– Ничуть, – серьезно качнул головой батальонный. – А, понял. Ты думаешь, тебя просто на допрос в НКВД отправляют? Э, нет, брат, готов поспорить, повидеешься с САМИМ.

– Да ну... – набычился Захаров. – Где я, а где товарищ Сталин? Глупости говорите, товарищ комиссар.

– Ну, не будем спорить, сам убедишься, – весело ответил тот. – А вот и твой аэродром, вон, гляди. Метров пятьсот правее, видишь?

Действительно, на краю большого поля болтался «колдун», а чуть дальше, на опушке леса, виднелись большие палатки. Правда, рядом не было людей и техники. И комиссар сразу это заметил.

– Подозрительно тихо, словно все сбежали... – И тут же добавил, скривив лицо в злой гримасе: – Твою мать, и фрицы тоже тут. Полагаю, та самая колонна, передовой дозор которой мы и разгромили. Теперь ясно, чего аэродром опустел. А ведь почти успели, блин!

– Товарищ комиссар, посмотрите вот туда! – Захаров ткнул пальцем в сторону видневшегося в полукилометре двухмоторного транспортника, рядом с которым замерли два «ишачка» прикрытия. Самолеты были частично скрыты за невысоким земляным валом капонира.

– Думаешь, что тебя ждут? – оскалился Дубинин. – Держись, капитан, сейчас трясти будет, – резко вывернув руль вправо, Дубинин съехал с грунтовки и на огромной, с точки зрения пилота, скорости погнал автомобиль прямо по полю.

Машину нещадно швыряло и подбрасывало, но комиссара это, похоже, вообще не волновало, он даже не сбрасывал газ, лихо объезжая замеченные неровности и кочки. Намертво вцепившийся в ручку над дверью Александр как можно глубже вжался в удобное сиденье и бросил взгляд туда, куда перед тем смотрел Дубинин. Примерно в километре двигалась колонна танков, растянув за собой могучий шлейф поднятой гусеницами пыли. Если их заметили – а как не заметишь, на ровной-то местности? – достаточно одного прицельного выстрела – и все. Каким бы совершенным и быстрым ни был этот самый «прототип», от фугасного снаряда не спасет. Только на скорость и надежда...

Пилоты советских самолетов тоже заметили опасность и запустили движки, готовясь к взлету. Шанс сбежать от танков у них был – от немцев их удачно прикрывала насыпь капонира. Заметив их маневр, Дубинин еще прибавил скорости, хотя, казалось бы – куда быстрее. Вдобавок комиссар, прижав кнопку на руле, принялся сигналить клаксоном, стараясь привлечь внимание пилотов. На них наконец обратили внимание, и в распахнувшейся овальной дверце показался борттехник, ошарашенно глядящий на невиданную машину.

– Давай, летун, махни им рукой, а то без тебя улетят! – скомандовал Дубинин.

Комэск, высунувшись в окно, начал отчаянно размахивать руками. Прокатившись еще с десятков метров, самолет остановился – пилот понял, что тот, кого они ждали, все-таки успел к отлету. Истребители же продолжили разбег, вскоре

оторвавшись от земли: из-за чего медлит их подопечный, они не видели.

– Капитан! – проорал, перекрикивая рев самолетных двигателей (пилот не убирал газ, держа самолет на тормозах, чтобы начать разбег в любую секунду), комиссар. – Раз уж за тобой эдакую лайбу прислали, грех кое-что товарищу Сталину не отправить. С оказией, так сказать.

Ничего не понимающий Захаров торопливо выскочил из автомобиля и оглянулся. Задняя дверь уже была распахнута, и товарищ полковник Бат выгружал из салона какие-то толстенные картонные коробки примерно полуметровой длины, аккуратно перемотанные прозрачной целлулоидной лентой, опуская их прямо на траву.

– Здесь документы особой важности, такие же, как ты передал в чемодане, даже еще секретнее и важнее, – торопливо пояснил Дубинин, впихнув Александру первую из коробок. Весил картонный ящик немало, и не ожидавший подобного комэск едва его не выронил...

– Грузи в самолет! – комиссар тоже подхватил коробку.

В четыре руки они быстро перекидали груз стоявшему у распахнутого люка борттехнику. Всего коробок оказалось пять.

– Так вот, передать их нужно лично товарищу Сталину, без него не вскрывать. Пять коробок, головой за них отвечаешь, понятно? Запомни, только лично товарищу Сталину, никому более! – надсаживая голос, проорал прямо в ухо Захарову комиссар. – Еще передаю два секретных прототипа оружия, автомат и ручной одноразовый гранатомет. Видел, как мы тот броневик на дороге с одного выстрела раздолбали? Вот именно из такого. Автоматом можешь поинтересоваться, человек ты опытный, с оружием знаком, так что не застрелишься, а вот гранатомет – даже пальцем не трогать, ясно? А товарищу Сталину я все по телефону объясню, если спросят – так и отвечай. Запомнил?

– Так точно! – четко отрапортовал Александр, понимая, что времени на вопросы нет. Потом, сообразив, что за ревом движков Дубинин его не слышит, несколько раз кивнул.

– Пошли, оружие заберешь, – комэск не столько услышал, сколько угадал по движению губ, что именно произнес батальонный. И побежал следом за придерживающим фуражку, которую так и норовил сорвать могучий поток воздуха от стремительно крутящихся винтов, комиссаром.

Полковник Бат уже возился у открытой двери багажного отсека. Бросив внутрь короткий взгляд, капитан увидел, что багажник буквально забит оружием, патронными цинками и какими-то непонятными зелеными трубами, навроде тех, в которых студенты носят чертежи.

– Держи, – Дубинин протянул летчику такой же, как он видел у него после боя на дороге, карабин с рожковым магазином и каким-то непонятным устройством пониже ствола. – Это автомат Калашникова с подствольным гранатометом. Гранатомет, разумеется, разряжен, гранаты вот в этой сумке, – летчик автоматически принял из его рук брезентовый подсумок.

– А вот это, – комиссар показал зеленый тубус длиной поменьше метра. – Тот самый одноразовый реактивный гранатомет, о котором я говорил. «Муха» называется, иначе «эрпэгэ-восемнадцать». Его не трогай, просто на плечо повесь, вот ремень. Все. – Комиссар легонько подтолкнул Александра в спину. – Вперед, капитан, бегом давай, самолет не такси, ждать не станет.

– А как же вы, товарищ комиссар? – воскликнул Захаров. – Садитесь в самолет, вместе улетим!

– Немецкие танки в километре отсюда! Не могли нас фрицы не заметить, пока мы с ветерком по полю разъезжали! Если мы с полковником их не придержим, ваш «Дуглас» прямо на взлете спалит к чертовой бабушке. Да беги ж ты, не тормози!

Словно подтверждая его слова, метрах в ста вздыбился пыльный фонтан первого взрыва и почти сразу же – второй. Выматерившись, батальонный хлопнул комэска по плечу и побежал к автомобилю.

Захаров рванулся к самолету, куда его за руки втащили борттехник и штурман. Моторы взвыли, прибывая к земле траву, но за спиной уже хлопнула дверь, и стало немного тише. Капитан прошел в салон по пока еще наклонному полу, и торопливо плюхнулся на первое же попавшееся сиденье – самолет тронулся

с места и начал разбег, подпрыгивая на неровностях почвы.

Александр огляделся. Присланная за ним машина оказалась самым обыкновенным двухмоторным «ПС-84», [10 - «ПС-84» – пассажирский самолет, созданный в 1939 году на базе лицензионного производства американского «Douglas DC-3». В 1942 году начат выпуск военной модификации самолета, получивший обозначение «Ли-2».] наскоро перекрашенным в хаки и с частично демонтированными, чтобы освободить место для груза, пассажирскими креслами. Груза сейчас не наблюдалось, равно как и других пассажиров, лишь в самом хвосте были свалены друг на друга брезентовые чехлы от моторов, на которые уложили драгоценные картонные коробки с документами. Капитан мысленно хмыкнул: ничего ж себе, получается, исключительно ради одного его такую громадину из самой столицы гоняли? Прав, выходит, товарищ Дубинин, не все так просто... ох, неужто и на самом деле он самого товарища Сталина увидит?!

Тряска самолета резко прекратилась – транспортник оторвался от земли и начал набирать высоту. В круглом окошке мелькнули угловатые коробки немецких танков. Причем пилоту показалось, что два или даже три из них уже горят.

Набрав высоту, «ПС-84» лег на курс, и почти сразу к Александру подошел штурман.

– Капитан Захаров? – на всякий случай уточнил он.

– Он самый, – комэск наконец перевел дыхание. – Документы предъявить?

– Да не нужно, – отчего-то стусевался летчик. – Мы, как немецкие танки увидели, думали, все, не дождалось вас. Улетать решили, пока они нас не того... А тут вдруг вы появляетесь.

Поколебавшись, штурман все-таки спросил:

– А что за автомобиль такой странный, не видал ничего подобного? И коробки эти, – при этом летчик не отводил взгляда от автомата и гранатомета, которые Александр уложил на соседнее сиденье, придерживая на всякий случай рукой.

– Секретный прототип, проходит обкатку в полевых условиях, – с важным видом ответил Захаров. – Подробностей раскрывать не имею права. В ящиках – документы государственной важности, подходить к ним запрещено, вскрывать – тем более. Оружие рядом со мной – также опытное, а значит, секретное.

– Так оно понятно, – разочарованно вздохнув, согласился летчик. – Добро, товарищ капитан, располагайтесь, до Москвы путь неблизкий. Если что нужно, водички там попить или в туалет – Степа вам поможет, это техник наш.

– Спасибо, – пробормотал Александр, прикрывая глаза. Сумасшедшее напряжение последнего часа постепенно отпускало, и начинала накатывать усталость. Комэкс глянул в иллюминатор, пытаюсь разглядеть происходящее внизу, но не преуспел: автомобиль товарища комиссара, равно как и немецкие танки уже остались далеко позади. Зато Захаров увидел пару «ишачков», пристроившихся рядом. Несколько минут Александр с замиранием сердца глядел на знакомый до последней заклепки корпус родного «И-16», словно бы прилепившийся чуть выше уровня правой плоскости, затем со вздохом отвернулся, вновь прикрыв глаза. Ничего, вот слетает в столицу – и сразу на фронт. Воевать. Ведь он истребитель, а не какой-нибудь там...

Захаров даже не заметил, как заснул под мерное гудение мощных двигателей...

Глава 7

28 июня 1941 года, окрестности Слуцка

Проводив взглядом набирающий скорость «Дуглас», я вернулся к «Гелендвагену», из которого Батонич уже вытащил выстрелы к «РПГ-7». Навинчивая на гранату пороховой ускоритель, Володя мотнул подбородком в сторону обваловки капонира и коротко скомандовал:

– Давай на вал! Я сейчас, я быстро... Жаль, всего шесть выстрелов взял.

Подхватив оставшуюся «Муху», автомат и подсумок с магазинами, я рысью взбежал на невысокую насыпь и сразу плюхнулся на землю: танки были уже

совсем близко, метрах в пятистах. Неподалеку рванула еще парочка взрывов.

Если мне не изменяет память, а с чего бы ей изменять, ведь сведения о немецкой технике я изучил всего несколько дней назад, нас атаковали три «троечки», три «двоечки» и одна «единичка». Или «по-научному»: «PzKpfw III», «PzKpfwII», «PzKpfwI». Бронетранспортеров видно не было, зато из леса до сих пор выползала длинная змея колонны, в которой отчетливо были видны простые двухосные грузовики, полугусеничные тягачи с пушками и какие-то юркие восьмиколесные броневики. Понятно, что немцы не только танками воюют.

Тягаться с такой силой – безрассудство, помноженное на глупость. Но у нас нет иного выхода – надо прикрыть взлет транспортника. И так уже пара танковых стволов повернулась в сторону медленно (как мне казалось) набиравшего скорость «Дугласа». Выдохнув вдруг ставший слишком густым, как кисель, воздух, привожу «Муху» в боевое положение и ловлю в диоптр ближайшую «тройку». Эх, не достать мне его, слишком далеко – метров четыреста, а дальность прицельной стрельбы «РПГ-18» всего двести. Блин, что делать? Пальнуть, только чтобы напугать? Так они разрыва кумулятивной гранаты и не заметят, пока она в них не попадет. И тут я увидел, что относительно моей позиции танки встали весьма удачно, практически выстроившись в одну линию, как говорят артиллеристы – СОСТВОРИЛИСЬ. А если?.. Приподнимаю трубу «граника» повыше и жму шептало. Граната вылетает под большим углом, поднимается метров на пятьдесят, словно замирает в верхней точке траектории и начинает падать. Дальность выстрела я таким образом увеличил раза в два, теперь бы попасть. Но когда такие крупные объекты, как танки, находятся в створе – все перелеты все равно идут в цель. Вот повезло и мне – граната угодила в верхний лист угловатой башни идущей второй «троечки». Мгновение тишины (мне показалось, что я вижу тонкий серый дымок, идущий из проделанного кумулятивной струей аккуратного отверстия), и тут же башню подбросило на ярко-оранжевом облаке раскаленных газов. Боекомплект, что ли, рванул?

– Эффектно! – похвалил рухнувший рядом на землю Батоныч, бережно пристраивая рядом брезентовую укладку с тремя боеготовыми «ПГ-7В». Он у них даже предохранительные пластиковые колпачки с взрывателя снять успел. – И как ты умудрился добить туда из «Мухи»? Но и я им сейчас огоньку добавлю!

Зарядив «РПГ-7», Володя встал на одно колено, быстро прицелился и выстрелил. Досталось головному танку. Так красиво, как «мой», он не взорвался, но почти

моментально из всех его люков выметнулось пламя.

Вот теперь фрицев проняло по-настоящему – они перестали стрелять вдогонку набравшему скорость «Дугласу» и полностью сосредоточили внимание на нас. «Единичка» даже рванула в сторону, намереваясь по широкой дуге зайти нам во фланг, с открытой стороны капонира.

– Заряжай! – хрипло выдохнул Батоныч, тоже заметивший маневр легкого танка.

Я торопливо выхватил из укладки гранату и вставил ее в ствол «граника». Володя хладнокровно выждал секунд десять, пока «единичка» не вышла из-за прикрытия столба черного дыма, валившего от подбитой «тройки». И только тогда снова встал на колени и выстрелил. Промох! Уж очень быстрой оказалась «единичка», да и расстояние великовато для малоопытного стрелка.

– Гранату! – не оборачиваясь и не ложась, командовал Батоныч.

Я подал другу последнюю «морковку». Выстрел! Есть попадание! Легкий «картонный» танк буквально вывернуло наизнанку. Но тут же прилетело и к нам – вокруг рвануло несколько снарядов. Один совсем близко – метрах в пятнадцати. Не успевшего залечь Володю бросило прямо на меня. Схватив его за руку, я кубарем скатился к подножию вала. За насыпью продолжали грохать взрывы, сверху сыпались комья земли. Я наклонился над телом Батоныча и бегло осмотрел раны. В первый момент мне пригрезилось, что он почти не пострадал – на порванной на груди гимнастерке не было видно крови. Но потом я догадался ее расстегнуть... Бронежилет... В нем торчало несколько мелких иззубренных кусочков металла, но еще полдесятка пробили защиту. Отодрав липучки броника и приподняв грудную пластину, я заглянул под нее и обомлел – белая нижняя майка полностью поменяла цвет на красный. Как минимум пробиты оба легких, а может быть, и сердце. Но Батоныч был еще жив и даже в сознании. Только лицо залила меловая бледность.

– Отвоевался я? – На губах Володи вспухли розовые пузыри.

Я молча кивнул. С такими ранами не живут, даже если бы сейчас рядом находился госпиталь с полностью оборудованной операционной, опытными хирургами и современными антибиотиками.

– Ты это... рви когти! Не сиди надо мной! – прохрипел Батоныч.

Бежать? Я огляделся. Самолет благополучно оторвался от земли и набирал высоту. Успели, стало быть, прикрыли взлет. А теперь какой смысл мне бежать? Документы передал, «граник» с «калашником» сунул... Программа выполнена... не судьба, видимо, мне до САМОГО добраться, все время что-то мешает. Да и друга бросать не хотелось.

За валом продолжало грохотать – немцы, обозленные потерей трех танков, лупили по капониру из всех наличных стволов. Добавить им веселухи, отстреляв оставшиеся «морковки»? Батоныч обронил пару минут назад, что шесть гранат «ПГ-7В» прихватил. Я бросил задумчивый взгляд на открытую заднюю дверь «Гелендвагена». Там, кроме боеприпасов, и ПКМ должен остаться. Минуты две я, при должном везении, продержусь.

Я дернулся было, чтобы встать, но тут Батоныч с силой сжал мое запястье.

– Виталя, а ведь я тебе до конца не верил! До самого боя на дороге! Всё какой-то подвох подозревал! – с натугой, сглатывая идущую горлом кровь, проговорил Володя. – Прости меня!

– Да чего там, дружище! Я бы и сам не поверил... Конечно прощаю! – успокоил я умирающего.

– А у тебя, наверное, позывной на той вашей войне был Дубина? – Бледные губы Владимира Петровича изогнулись в подобии улыбки.

– Не угадал, Батоныч! – усмехнулся я. – Позывной был Дубинка. На Первую Чеченскую я сразу из училища попал, совсем пацан, худой был, как глист... На дубину совсем не похож, а вот на дубинку...

Но Батоныч меня уже не слышал: вытянувшись, он испустил последний вздох. Я закрыл ему глаза и встал. Это есть наш последний и решительный бой? Значит, надо сделать так, чтобы за его результат не было стыдно. Предыдущие «провалы» довольно скромно увеличили счет матча «Виталий Дубинин против фашистов», но тогда у меня почти оружия не было. А сейчас есть...

Не обращая внимания на канонаду и летящие сплошным дождем комья земли от близких, за невысокой насыпью, разрывов, я подошел к джипу и принялся неторопливо готовиться к бою: прикрутил на три оставшихся «морковки» пороховые ускорители, проверил ленту в пулемете. Прихватив с собой укладку с гранатами, запасной короб с патронами и «ПКМ», поднялся на вал. Фрицы как раз перестали лупить, не видя цели. За густыми клубами пыли и дыма с трудом, но можно было разглядеть вражеские танки. Они подобрались уже метров на двести. И за ними отчетливо различались пехотные цепи. Ну надо же, как нас фашисты зауважали! Чуть ли не целой ротой при поддержке бронетехники атакуют пустой капонир с двумя защитниками.

«АКМ» и «РПГ-7» так и валялись на месте нашей последней «лёжки». Вот только автомат изрядно покорежило осколками, но гранатомет казался целым. Подняв «граник», я проверил, не забит ли ствол и не поврежден ли оптический прицел. Всё оказалось в норме. Быстро вставив гранату, я, даже не пригибаясь, вскинул оружие на плечо и выстрелил, едва в окуляре мелькнул белый крест на серой броне.

Подобравшаяся ближе всех «двойка» аж подскочила на месте, полыхнув черно-оранжевым пламенем. Башня не улетела, но изрядно перекосилась. Это что же в ней так здорово «бумкнуло»? Детонация боеприпасов? Так у нее мелкие двадцатимиллиметровые «огурцы» главным калибром, их тонны две надо, чтоб так рвануть.

Быстро перезарядившись, стреляю второй раз. Досталось еще одной «двойке». Это попадание оказалось «скучным» – никаких спецэффектов, только густой черный дым из моторного отделения. Минус два! Осталась одна «морковка»... Я нагнулся, чтобы достать гранату из укладки, и в ту же секунду надо мной прошелестела очередь чего-то крупнокалиберного – последняя оставшаяся «в живых» «двойка» наконец-то засекла достойную цель и лупанула из своей автоматической пушки. И почти попала, сука такая... Но прятаться не буду. Перезарядившись, бью с колена. Танк стоит «неудобно» – под углом, дистанция сократилась метров до ста, поэтому, несмотря на пыль и дым, я успеваю увидеть, как граната входит между вторым и третьим катком. Похоже, что пробить броню не получилось, но гусеницу сорвало, и «двоечка» закрутилась на месте. Добавить бы, да нечем.

Подхватив пулемет и запасной короб, кубарем скатываюсь в капонир. Блин, пострелять с вершины вала мне не позволят – там же голое место,

не спрятаться, сметут огнем. А вот если высунуться сбоку... Но это тоже ненадолго, фора секунд в десять. Зайти бы во фланг пехотной цепи и хорошенько ее проредить... Мечты, мечты... До удобной позиции метров семьсот по открытому полю, не добежать. Вот я дурак! Зачем бежать, если можно... ехать! «Гелендваген» вполне на ходу, и на приличной скорости, которую он может развить даже по бездорожью, в меня не сразу попадут. Здесь пока совсем к другим скоростям наземной техники привыкли. Надо попробовать – терять-то мне особо нечего.

Движок еще даже остыть не успел, завелся с полоборота. Впрочем, это не заправленная вместо антифриза водой «копейка» на лютом сибирском морозе. А европейский автомобиль, подарок от потомков вот тех самых уродов, которые сейчас бегут по полю, сжимая в потных ладошках винтовки Маузера. Который нам совсем не товарищ![11 - Намек на строчку из стихотворения В. Маяковского «Левый марш»: «Разворачивайтесь в марше! Словесной не место кляузе. Тише, ораторы! Ваше слово, товарищ маузер!» (Примечание редактора.)] А слово я сейчас предоставлю изделию младшего сержанта Калашникова.

«Гелендваген» рванул по полю буквально как стрела. Мало того что я, «утопив тапок в пол», гнал почти на восьмидесяти, плюнув на целостность подвески, так еще и большую часть пути меня скрывал от фрицев дым горящих танков. Поэтому на фланге пехотной цепи я оказался почти незамеченным. «Почти» – несколько крайних пехотинцев успели увидеть большой черный джип, один из них даже успел вскинуть винтовку, но все они разлетелись как кегли, сбитые на всем ходу мощным передним бампером. Я не стал покидать место ДТП – тормознув, выскочил из машины, грохнул по плоскому капоту сошками «ПКМ» и дал длинную, на всю ленту, очередь, сметая фрицев огненной метлой.

Мне везло! Мне чрезвычайно, непозволительно везло – я успел отстрелять всю стопатронную ленту и завалил десятка два фашистов. Сотней патронов всего два десятка, удивился бы профан? Блин, да не «всего» два десятка, а целых два десятка! Они ведь на месте расстрела не ждали. Они, твари, оказались опытными вояками и, даже попав под внезапный кинжальный пулеметный огонь, мгновенно сориентировались и залегли. Правда, организовать толком ответный огонь у фрицев не получалось – я им не давал головы поднять. Но все хорошее когда-нибудь кончается – кончилось и мое везение: присев за капотом, чтобы сменить ленту, я почувствовал, как по кузову автомобиля несколько раз словно кувалдой долбануло. Мне на голову осыпалось боковое стекло. Похоже,

песец все-таки пришел – по мне пристрелялся оставленный без гусеницы «Панцеркампфваген-2». Следующая очередь двадцатимиллиметровых «огурцов» придется точно по мне.

– Да, жаль, я немного успел, но пусть повезет другому! – выскакивая из-под хлипкого прикрытия, заорал я, стреляя из «ПКМ» с рук в «белый свет». Что-то обожгло мне лицо, небо закрутилось вокруг...

И вдруг я грохнулся на траву, а упавший сверху пулемет долбанул меня по ногам.

– Ох, ё! – невольно вырвалось у меня.

– Что, Дубинка, худо тебе пришлось? – раздался рядом ехидный голос... Батоныча.

Я привстал и огляделся: Володя стоял неподалеку в совершенно целой гимнастерке и улыбался во все тридцать два зуба.

– А ты как здесь очутился? – оторопело спросил я, еще толком не отойдя от горячки боя.

То, что произошел обратный перенос, и снова в момент смерти, я уже понял. Но, выходит, что и товарищ полковник бронетанковых войск... тоже?

– Стреляли! – рассмеялся Владимир Петрович. – Я здесь уже минут пять околачиваюсь. Очухался, вижу – лежу в чистом поле, в небе жаворонок. Ни фашистов, ни тебя, ни, что больше всего обидно, любимого джипаря! Едва я успел себя ощупать на предмет целостности организма, как в сотне метров от меня появляется «Гелен». Я к нему, а тут и ты рядышком лежишь с пулеметом на коленях. А ствол еще дымится! Что, Виталь, тяжело пришлось?

Последние слова Батоныч произнес совсем другим тоном: участливо.

– Да я, Володь, после того как тебя грохнули, в атаку рванул, словно камикадзе. Решил подороже жизнь продать.

– А чего не убёг? – делано-равнодушно спросил Батонич.

– Не захотел... – ухмыльнулся я. – У нас такая поговорка есть: «Русские на войне своих не бросают!»

– И у нас так же говорят! – совершенно серьезно произнес полковник Владимир Петрович Бат, протягивая мне руку, чтобы помочь встать. – Но в следующий раз я в прошлое без своего танка не отправлюсь!

Глава 8

28 июня 1941 года, Москва

Москву, где комэск ни разу не был, он так и не посмотрел. На аэродроме его уже ожидал автомобиль, черная «эмка» с наглухо зашторенными окнами, и двое энкавэдэшников, сержант за рулем, и аж целый майор госбезопасности, который и встречал Александра у самого трапа. Спустившись по установленной техником невысокой лесенке, Захаров немедленно попал в оборот к последнему: проверив документы, майор буркнул: «Моя фамилия Быстров. Ступайте за мной» – и кивнул в направлении распахнутой двери авто. Дождавшись, пока коробки с документами и оружие загрузят во вторую такую же машину – майор не перечил, видимо, был предупрежден, что Александр прибыл с грузом, – комэск уселся на заднее сиденье, майор – на переднее, и «эмка» немедленно тронулась. Второй автомобиль двинулся следом.

Ехали довольно долго, и Захаров, коль уж в окно глядеть не разрешалось (об этом Быстров предупредил отдельно), снова задремал, укачанный мерной ездой. Проснулся он от толчка затормозившего автомобиля. Зевнув, выбрался из салона, щурясь от яркого света.

Машина находилась в пустом внутреннем дворе монументального многоэтажного здания. Отчего-то комэск сразу догадался, где находится: ну, разумеется, тот самый знаменитый «большой дом» на площади имени Дзержинского, где ж еще? Получается, ошибся всезнающий батальонный комиссар и не повезут его к товарищу Сталину? С другой стороны, не в таком же

виде к Вождю являться? После нескольких поистине сумасшедших дней выглядел он, мягко говоря, несколько, гм, неоднозначно. Выпачканный в грязи и пыли, местами изодранный комбинезон, многократно пропотевшая форма под ним. Про портянки и вспомнить стыдно, сколько суток сапоги не снимал. Для фронта, конечно, нормально, а вот для столицы необъятной Родины – определенно перебор. Да и разит от него, что от того козла...

Похоже, майор Быстров был того же мнения – кивком указав в сторону входа, зашел в гулкий холл следом и, придерживав за локоть, негромко сообщил, перед тем как сдать с рук на руки молчаливому сержанту:

– Сейчас вас отведут в комнату. Там есть душ и все необходимое. Помойтесь, побрейтесь, одним словом, приведите себя в соответствующий красному командиру вид. Новая форма и сапоги уже готовы. У вас два часа, максимум три. Насколько знаю, вы ранены? Рану осмотрят и перевяжут, я распоряжусь. Доставленный вами груз также отправят, куда следует, мы в курсе. Личное оружие оставьте здесь, ТАМ оно вам не пригодится.

– А потом? – вынимая из кобуры «ТТ» и передавая его сержанту, спросил Александр. И уже задав вопрос, об этом пожалел – майор смерил его хмурым взглядом, словно говоря: «Ты что, совсем дурак?»

– Потом вас отвезут, куда приказано отвезти. Ступайте. И больше не задавайте ненужных вопросов, капитан.

Следующие пару часов комэск потратил на личную гигиену: в комнате и на самом деле нашлась ванная с душем и все необходимые принадлежности, включая бритву, помазок, пару полотенец и комплект нижнего белья. Даже одеколон имелся! Насчет формы Быстров тоже не обманул: отутюженные гимнастерка и галифе висели на спинке стула, под стеной стояли вычищенные до зеркального блеска хромовые сапоги, а новенькая летная фуражка лежала на краю стола.

С удовольствием вымывшись и выскоблив лицо, капитан почувствовал себя поистине заново родившимся. Беспокоило только раненое плечо, хоть рана, к счастью, за эти дни не воспалилась. Но и это оказалось предусмотрено: в дверь неожиданно постучали и, дождавшись разрешения, в помещение вошла милостивая улыбчивая девушка в военной форме с петлицами медицинской

службы и небольшим ящичком в руке.

- Что у вас случилось, ранбольшой? - спросила медичка, кокетливо стрельнув глазками из-под пушистых ресниц.

- Да вот... - неопределенно ответил Захаров, немного смущаясь своего вида - после душа он не успел одеться и щеголял в намотанном на бедра полотенце.

Впрочем, для перевязки все равно пришлось бы раздеваться.

- Присядьте, ранбольшой! - улыбнулась девушка, ставя на стол чемоданчик. - Вот сюда, на стул присядьте. Повернитесь!

Сняв старый посеревший бинт с багровыми пятнами, медичка осмотрела рану, легонько касаясь ее холодными пальчиками. После чего обработала простреленное плечо и наложила свежую повязку.

- Ну как, доктор? - нетерпеливо спросил Александр. - Что с раной?

- Я не доктор, я фельдшер! Заживление идет хорошо! Вам бы только не бередить рану, - посоветовала медичка и спросила, закрывая чемоданчик: - Есть ли у вас какие-то еще жалобы, ранбольшой?

- Никак нет, красавица! - ответил расхрабренный летчик.

- Тогда желаю вам скорейшего выздоровления! - снова улыбнулась девушка - улыбка у нее была просто чудесная. Кивнув на прощание, фельдшерица удалилась.

Капитан оделся, мельком удивившись тому, что с размерами товарищи чекисты угадали тютелька в тютельку - или точно их знали, успев навести справки в интендантской службе родного ИАПа?

А жалобы у пилота были, но не рассказывать же милой барышне, что у него от голода подвело живот. Вот будет позорище, ежели повезут к товарищу Сталину, а у него в брюхе начнутся трели! Со стыда сгоришь! Может, попросить помощи у майора, есть же у них тут столовая? Но уж больно он

неразговорчивый, вон как насчет «ненужных вопросов» его осадил! Неохота снова глупо выглядеть, лучше потерпит, авось не оконфузится...

Но все разрешилось без его участия – минут через десять пришел Быстров, придирчиво оглядел капитана и, видимо, остался доволен результатом. Перепоясавшись принесенным майором новехоньким ремнем с портупеей и кобурой (конечно же пустой!), Захаров вышел вслед за ним в коридор.

– Вы голодны, товарищ капитан? – наконец прервал молчание майор.

– Так точно, товарищ майор государственной безопасности! – по всей форме ответил Александр, решив не отказываться, если предложено.

– Хорошо, ступайте за мной, полчаса у нас еще есть.

В пустой столовой, куда они пришли, спустившись на этаж, Захаров взял себе гречневую кашу с котлетой, хлеб и компот, благоразумно решив не связываться с гороховым супом. Быстров есть не стал, дожидаясь комэска за соседним столиком. Уложившись буквально в пять минут, Захаров с готовностью поднялся на ноги:

– Я готов, товарищ майор.

Спустя десять минут Александр, которому так и не объяснили, куда его везут, уже ехал на заднем сиденье здорового черного лимузина «ЗиС-101». Несмотря на шторки на стеклах, на этот раз капитану глядеть в окно не запрещали, чем он с удовольствием воспользовался, жадно разглядывая столицу родной страны. Жаль только, ехали совсем недолго, буквально минуты через три автомобиль уже заехал на Красную площадь. Сразу узнавший легендарное место Захаров ощутил, как екнуло сердце и предательски вспотели ладони: ну, точно, к товарищу Сталину везут! Не сбавляя скорости, «ЗиС» въехал в ворота Спасской башни и вскоре остановился возле трехэтажного здания Совета Министров, где, видимо, и находился кабинет Вождя. Проводив комэска до высоких лакированных дверей главного входа, майор Быстров коротко бросил: «Проходите, капитан, вас уже ждут», оставшись снаружи. Мысленно пожав плечами, Захаров потянул сверкающую полированной бронзой массивную ручку. Дверь, против ожидания, распахнулась легко, почти без усилия, и к пилоту шагнул командир со знаками различия старшего лейтенанта НКВД.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Купила компания «Мерседес» завод ВАЗ. Перенастроили производство, запускают конвейер... Бац! На выходе «Жигули»! Демонтировали оборудование, привезли новое из Германии, установили, наладили, запускают... Снова с конвейера сходят «Жигули»! Уволили весь персонал завода, привезли работников из Германии, переналадили оборудование, проверили, запускают производство. Блин, на выходе вновь «Жигули»!

Стоят у завода бывшие главный инженер и директор завода, смотрят на результат многомесячных усилий менеджеров «Мерседеса». Инженер говорит директору:

– А я тебя предупреждал – место проклятое! А то всё «руки из жопы, руки из жопы»...

2

Совершенно бессмысленный с военной точки зрения рейд авианосца «Хорнет». Из прошедших достаточно долгую подготовку экипажей средних бомбардировщиков «В-25» «Митчелл» (их учили взлетать с авианосца) погибло

или попало в плен почти два десятка. Из 16 машин, 18 апреля 1942 года взлетевших с палубы «Хорнета», уцелела всего одна. Потери японцев были минимальными, и только среди гражданских.

3

В реальной истории в первоначальный список целей для ядерной бомбардировки входили три города: Киото, Хиросима и Ниигата, но военный министр США Генри Стимсон, много десятилетий назад проведший свой медовый месяц в Киото, предложил заменить Киото на Нагасаки. И военный руководитель атомной программы Лесли Гровс согласился...

4

На самом деле о советском народе, как новой исторической общности, сказал Хрущев в 1961 году. Но никаких внятных действий, которые могли бы вытекать из этого заявления, сделано не было. СССР так и остался разделенным на национальные «квартиры».

5

На самом деле Владимир Петрович Бат высказался куда более крепко, но редактор таких слов не пропустит... (Примечание авторов.)

6

ИПТАП (истребительно-противотанковый артиллерийский полк) – специализированная артиллерийская часть, «заточенная» под борьбу с танками. Придавалась в качестве усиления частям и соединениям на направлениях прорыва или главного удара.

7

«ПТАБ-2,5-1,5» – советская противотанковая авиабомба предназначенная для поражения танков. Снаряжались в кассеты по 48 штук. Штурмовик «Ил-2» брал четыре таких контейнера. При сбрасывании бомбы накрывали площадь 15 м ? 200 м. Учитывая, что горизонтальное бронирование танков традиционно весьма слабо, вероятность поражения цели была высокой.

8

Главный герой имеет в виду 76-мм полковые пушки образца 1927 и 1943 годов, состоявшие на вооружении артбатарей полков, но имеющие чрезвычайно низкую начальную скорость снаряда и вследствие этого бронепробиваемость, уступающую даже противотанковым ружьям «ПТРД» и «ПТРС».

9

Знак того, что машина прошла глубокий тюнинг в фирме Брабус (Brabus GmbH).

10

«ПС-84» – пассажирский самолет, созданный в 1939 году на базе лицензионного производства американского «Douglas DC-3». В 1942 году начат выпуск военной модификации самолета, получивший обозначение «Ли-2».

11

Намек на строчку из стихотворения В. Маяковского «Левый марш»:
«Разворачивайтесь в марше! Словесной не место кляузе. Тише, ораторы! Ваше слово, товарищ маузер!» (Примечание редактора.)

Купить: https://tellnovel.com/zlotnikov_aleksey/doroga-k-vozhdyyu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)